

О БЕЗСМЕРТІИ ДУШИ

ОДНА КНИГА.

Книга эта содержитъ сводъ разумныхъ основаній въ пользу безсмертія души, а вмѣстѣ и рѣшеніе встрѣчающіеся возраженій противъ него.

ГЛАВА I.

Первое разумное основаніе для безсмертія души въ томъ, что она есть субъектъ науки, которая существуетъ всегда.

Если наука существуетъ гдѣ нибудь, а существовать она можетъ только въ томъ, что живетъ; и если она существуетъ всегда, а то, въ чемъ существуетъ такое, что существуетъ всегда, не можетъ не существовать всегда: то въ чемъ существуетъ наука, то живетъ всегда. Если это умозаключаемъ мы, т. е. душа наша; и если правильно умозаключать безъ науки нельзя, а безъ науки можетъ существовать только та душа, въ которой нѣтъ науки: то въ душѣ человѣка наука существуетъ. Но наука существуетъ гдѣ нибудь: ибо она существуетъ; а то, что существуетъ, не можетъ существовать нигдѣ. Также точно наука не можетъ существовать ни въ чемъ, кромѣ того, что живетъ. Ибо то, что не живетъ, ничего не познаетъ; а въ томъ, что ничего не познаетъ, наука существовать не можетъ. Равнымъ образомъ наука всегда существуетъ. Ибо то, что су-

существует, и существует неизмѣнно, необходимо существуетъ всегда. А что наука существуетъ, этого не отрицаетъ никто. И кто признаетъ невозможнымъ, чтобы линія, проведенная черезъ центръ круга, не была наибольшею изъ всѣхъ линій, которыя проводятся не черезъ центръ, и признаетъ это истинною извѣстной науки, тотъ не отрицаетъ существованія неизмѣнной науки. Далѣе, все, въ чемъ существовать что либо всегда, не можетъ не существовать всегда. Ибо ничто, всегда существующее, не допустить лишить себя когда нибудь того, въ чемъ оно всегда существуетъ. Затѣмъ, когда мы умозаключаемъ, то это бываетъ дѣломъ души. Ибо это дѣло лишь того, что мыслить; тѣло же не мыслить; да и душа мыслить безъ помощи тѣла: потому что когда мыслить, отвлекается отъ тѣла. При томъ, то, что мыслится, есть таково всегда; тѣлесное же ничто не бываетъ таковымъ же всегда; поэтому тѣло не можетъ помогать душѣ въ ея стремленіи къ пониманію, такъ какъ для него довольно, если оно не мѣшаетъ. Потомъ, безъ науки никто не умозаключаетъ правильно. Ибо правильное умозаключеніе состоитъ въ усилии мысли дойти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному; а въ душѣ, которая ничего не знаетъ, извѣстнаго нѣтъ ничего. Все же, что знаетъ душа, она имѣетъ въ себѣ, и все, что обнимается знаніемъ, относится къ какой либо наукѣ. Ибо наука есть знаніе какихъ бы то ни было вещей. Слѣдовательно душа человѣческая живетъ всегда.

ГЛАВА II.

Другое основаніе для безсмертія души въ томъ, что она есть субъектъ разума, который неизмѣненъ.

Разумъ несомнѣнно есть или сама душа или въ душѣ. Но разумъ нашъ лучше, чѣмъ наше тѣло; а наше тѣло есть нѣкоторая субстанція; быть же субстанціею лучше,

чѣмъ ничѣмъ. Слѣдовательно разумъ не есть ничто. Затѣмъ, если въ тѣлѣ существуетъ какая либо гармонія, она необходимо существуетъ въ тѣлѣ, какъ субъектъ, неотдѣлимо отъ него; и ничего въ этой гармоніи не предполагается такого, что съ одинаковою необходимостію не существовало бы въ тѣлѣ, какъ субъектъ, съ которымъ нераздѣльна и сама гармонія. Но тѣло человѣческое подлежитъ измѣненіямъ, а разумъ неизмѣненъ. Ибо измѣнчиво все, что не существуетъ всегда одинаковымъ образомъ. А два, и четыре, и шесть существуютъ всегда одинаковымъ образомъ. Также точно всегда остаются они тѣмъже, чѣмъ есть: въ четырехъ содержится два и два; но въ двухъ столько не содержится; два не равняются четыремъ. Основное положеніе это неизмѣнно; слѣдовательно оно есть разумъ. Но когда измѣняется субъектъ, не можетъ не измѣняться то, что существуетъ въ субъектѣ неотдѣльно отъ него. Итакъ душа не есть гармонія тѣла. Съ другой стороны смерть не можетъ прилучиться вещамъ, не подлежащимъ измѣненію. Слѣдовательно душа живетъ всегда, есть ли она самый разумъ, или разумъ существуетъ въ ней, но существуетъ нераздѣльно отъ ней.

ГЛАВА III.

Душа — субстанція живая и неизмѣнная, и если подлѣжитъ некоторымъ образомъ измѣненію, не дѣлается отъ этого смертною.

Есть нѣкоторая доблестъ постоянства. Но всякое постоянство неизмѣнно, а всякая доблестъ можетъ нѣчто совершать, и совершая нѣчто, остается въ то же время доблестію. Далѣе, всякое дѣйствіе выражается движеніемъ или производить движеніе. Слѣдовательно или не все, что находится въ движеніи, или не все, что движеть, подлѣжитъ из-

мѣненію. Но все, что получаетъ движеніе отъ другаго и само не приводитъ въ движеніе ничего, есть смертное; и ничто смертное не есть неизмѣнное. Отсюда выводится прямое и безъ всякаго исключенія слѣдствіе, что не все, что движеть, подлежитъ измѣненію. Но нѣтъ движенія безъ субстанціи; а всякая субстанція или живетъ, или не живетъ; все же, что не живетъ, бездушно; и дѣйствія бездушнаго не существуетъ. Слѣдовательно то, что приводитъ въ движеніе такъ, что само не измѣняется, можетъ быть только живою субстанціею. Всякая же субстанція этого рода приводитъ въ движеніе тѣло съ нѣкоторою постепенностію. Слѣдовательно не все, что приводитъ въ движеніе тѣло, подлежитъ измѣненію. Тѣло же приводится въ движеніе не иначе, какъ съ извѣстною послѣдовательностію времени: оно движется, напимѣръ, медленнѣе и быстрѣе; слѣдовательно существуетъ нѣчто, что движеть съ послѣдовательностію времени, и однакоже не измѣняется. Все же, что движеть тѣло во времени, хотя стремится и къ одной цѣли, не можетъ однакоже совершить все разомъ, и не совершать дѣйствій множественныхъ. Ибо то, что можетъ дѣлиться на части, не можетъ быть вполнѣ единичнымъ, какою бы силою оно ни приводилось въ движеніе; равно и тѣла нѣтъ никакого безъ частей, и времени безъ промежутковъ; и нельзя произнести самаго боротенькаго слога такъ, чтобы конецъ его ты не слышалъ тогда, когда начала уже не слышишь. Далѣе, когда совершается что такимъ образомъ,—предполагается ожиданіе, что оно можетъ совершаться, и память, которая по возможности удерживала бы все это. Ожиданіе относится къ вещамъ будущимъ, память —къ прошедшимъ. Съ другой стороны напряженіе дѣйствія относится къ настоящему времени; чрезъ него будущее переходитъ въ прошедшее; при чемъ ожиданіе конца начатаго движенія тѣла невозможно безъ памяти. Ибо какими образомъ стали бы мы ожидать прекращенія того, о

чемъ забыли, что оно началось, или даже — что оно приведено въ движеніе? Опять, напряженіе дѣйствія, имѣющее отношеніе къ настоящему, невозможно безъ ожиданія конца, который имѣетъ быть; нѣтъ ничего, чего бы или еще не было, или уже не было. Слѣдовательно въ дѣйствии можетъ быть нѣчто такое, что относится къ тому, чего еще нѣтъ. Въ дѣйствующемъ можетъ быть одновременно многое, хотя бы то многое, что приводится въ дѣйствіе, одновременно быть не могло. Можетъ поэтому оно быть и въ движущемъ, хотя бы въ подвижномъ и не могло быть. Но то, что во времени разомъ быть не можетъ, и однако же переходитъ изъ будущаго въ прошедшее, естественно относится къ измѣняемому.

Отсюда мы выводимъ заключеніе, что можетъ быть нѣчто, чтò, приводя въ движеніе подлежащее измѣненію, само не измѣняется. Ибо, какъ скоро напряженіе движущаго довести до желаемаго конца тѣло, которое оно движетъ, не измѣняется, а въ силу этого движенія измѣняется поминутно самое тѣло, надъ которымъ дѣйствіе совершается; и то напряженіе совершить это дѣйствіе, которое очевидно остается неизмѣннымъ, приводитъ въ движеніе и самые члены художника, и дерево и камень, подвластные художнику: то кто усумнится въ логической послѣдовательности сказаннаго? Итакъ, если по дѣйствію души и совершается нѣкоторое измѣненіе тѣла, и оно входитъ въ намѣреніе души, — отсюда еще не слѣдуетъ съ необходимостію, чтобы измѣнялась она сама; и изъ этого не должно еще заключать, чтобы она и умирала. Ибо при этомъ напряженіи она можетъ имѣть и память о прошедшемъ, и ожиданіе будущаго; а все это невозможно безъ жизни. Хотя никакая смерть не происходитъ безъ измѣненія, а измѣненіе не бываетъ безъ движенія, однако не всякое измѣненіе производитъ смерть, и не всякое движеніе производитъ измѣненіе. О самомъ тѣлѣ нашемъ можно сказать, что какимъ либо дѣйствіемъ оно приведено въ сильное движеніе, и измѣнилось, пожалуй, вслѣдствіе

возраста; однако нельзя еще сказать; что оно умерло, т. е. остается безъ жизни. Позволительно поэтому думать, что и душа наша не непременно потеряетъ жизнь, еслибы ей и случилось въ силу движенія потерпѣть нѣкоторое измѣненіе.

ГЛАВА IV.

*Наука и основныя положенія чиселъ, будучи неизмѣнны,
впѣтрены въ душу вмѣстѣ съ жизнію.*

Если есть въ душѣ нѣчто неизмѣнное, что безъ жизни существовать не можетъ, то въ душѣ необходимо есть и жизнь вѣчная. Ибо дѣло стоитъ именно такъ, что если есть первое, будетъ и второе. Но первое есть. Ибо, не упоминая о другомъ, кто осмѣлится утверждать, что основанія чиселъ измѣнчивы; или что какое либо искусство обязано своимъ существованіемъ не разуму; или что искусство не существуетъ въ художникѣ, хотя бы онъ и не употреблялъ его въ дѣло; или что оно можетъ существовать внѣ души его, или тамъ, гдѣ нѣтъ жизни; или что неизмѣнное можетъ когда нибудь не быть; или что иное нѣчто наука, иное разумъ? Ибо хотя мы и говоримъ о той или другой наукѣ, что она есть какъ бы нѣкоторый сводъ разумныхъ положеній; однако мы можемъ съ полною истиною называть и представлять науку какъ тотъ же самый разумъ. Но такъ ли это, или иначе, изъ этого во всякомъ случаѣ вытекаетъ, что наука неизмѣнна. Наука же, очевидно, не только существуетъ въ душѣ знающаго ее, но и нигдѣ не существуетъ, если не въ душѣ, и при томъ—съ нею нераздѣльно. Вѣдь если бы наука отдѣлилась отъ души, или существовала внѣ души, она или существовала бы нигдѣ, или переходила бы послѣдовательно изъ души въ душу. Но какъ мѣстопробыванія для науки нѣтъ безъ жизни, такъ и жизни соединенной съ разумомъ нѣтъ нигдѣ, кромѣ души. Далѣе, не воз-

можно, чтобы то, что существуетъ, не существовало нигдѣ, или чтобы то, что неизмѣнно, когда нибудь не существовало. А если бы наука переходила изъ души въ душу, переставая быть въ одной чтобы установить мѣстопребываніе въ другой, то всякій училъ бы наукѣ только теряя ее, или даже каждый становился бы знатокомъ въ наукѣ только благодаря забвенію или смерти учащаго. Если же это, какъ оно есть въ дѣйствительности, въ высшей степени нелѣпно и ложно, то душа человѣческая безсмертна.

Но если наука иногда существуетъ въ душѣ, иногда нѣтъ,—что проявляется обыкновенно забвеніемъ и невѣденіемъ,—вышеприведенное доказательство безсмертія души не будетъ имѣть своей силы, если только что сказанное не будетъ опровергнуто слѣдующимъ образомъ. Или въ душѣ существуетъ нѣчто, что въ данную минуту ей не приходитъ на мысль; или въ образованной душѣ знанія музыки въ ту пору нѣтъ, когда мысль ея исключительно занята геометриєю. Но послѣднее ложно; слѣдовательно первое истинно. Душа чувствуетъ себя имѣющею лишь то, что приходитъ ей на мысль. Слѣдовательно въ душѣ можетъ быть нѣчто такое, присутствія чего душа сама въ себѣ не чувствуетъ. Какъ долго это бываетъ, для дѣла не важно. Ибо если душа занята бываетъ другимъ такъ долго что не легко можетъ возвратиться къ тому, надъ чѣмъ прежде работала мыслию, это называется забвеніемъ или невѣденіемъ. Но если то, что мы открыли относительно какихъ либо свободныхъ наукъ, разсуждая сами съ собою или наводимые чужими вопросами, мы открыли не гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, а именно въ нашей душѣ (а открыть не тоже, что создать или родить; ибо иначе душа временными открытіями раждала бы вѣчное, такъ какъ часто открываетъ вѣчное. Ибо что можетъ быть такъ вѣчно, какъ теорія круга; или что есть другое въ этого рода наукахъ, о чемъ можно было бы сказать, что

оно когда нибудь не было или не будет?): то очевидно, что душа человѣческая безсмертна, и что всѣ истинныя разумныя положенія существуютъ въ тайникахъ ея, хотя вслѣдствіе невѣденія или забвенія и кажется, что она не имѣетъ ихъ или потеряла.

ГЛАВА V.

Душа не измѣняется такъ, чтобы переставала быть душею.

Теперь рассмотримъ, до какой степени должно быть допущаемо измѣненіе души. Если душа есть субъектъ по отношенію къ наукѣ, существующей въ субъектѣ, и если субъектъ не можетъ измѣняться безъ того, чтобы не измѣнялось и то, что есть въ субъектѣ: то какъ мы можемъ владѣть неизмѣнною наукою и неизмѣннымъ разумомъ, если измѣнчива душа, въ которой они оказываются существующими? Нѣтъ большаго измѣненія, какъ измѣненіе въ противоположность; а кто станетъ отрицать, что душа (чтобы опустить остальное) въ одномъ случаѣ бываетъ глупою, въ другомъ мудрою? Итакъ рассмотримъ прежде всего, сколько допускается способовъ такъ называемаго измѣненія души. По моему мнѣнію, измѣненій этихъ, болѣе наглядныхъ и болѣе ясныхъ, есть два рода; видовъ же ихъ гораздо больше. Ибо душа представляется измѣняющеюся по дѣйствию страстей или тѣлесныхъ, или ея собственныхъ. По дѣйствию страстей тѣлесныхъ измѣненія происходятъ въ силу возраста, въ силу болѣзней, страданій, трудовъ, неудачъ, чувственныхъ наслажденій. Въ силу собственныхъ страстей душа терпитъ измѣненія въ желаніи, въ радости, въ страхѣ, въ досадѣ, въ любви къ наукѣ, въ изученіи науки.

Всѣ эти измѣненія, сами по себѣ отдѣльно взятыя, не должны внушать никакихъ опасеній, если не служить не-

сомнѣннымъ доказательствомъ смерти души. Но посмотримъ, не противорѣчатъ ли они тому нашему основному положенію, по которому съ измѣненіемъ субъекта по необходимости измѣняется все, что есть въ субъектѣ. Но они не противорѣчатъ. Ибо это положеніе имѣетъ мѣсто при такомъ измѣненіи субъекта, послѣ котораго онъ вынужденъ бываетъ совершенно измѣнить свое наименованіе. Но если воскъ приметъ почему либо вмѣсто бѣлаго черный цвѣтъ, если вмѣсто ввадратной онъ получитъ круглую форму, изъ мягкаго сдѣлается твердымъ и изъ разогрѣтаго холоднымъ,—все это будетъ въ самомъ субъектѣ и субъектомъ останется воскъ же. Воскъ останется ни болѣе ни менѣе какъ воскомъ же, хотя и произойдутъ указанные измѣненія. Слѣдовательно то, что существуетъ въ субъектѣ, можетъ подвергаться измѣненію, между тѣмъ какъ самъ субъектъ въ томъ, что составляетъ его особенность какъ субъекта, не измѣнится. Но еслибы съ тѣмъ, что есть въ субъектѣ, совершилось такое измѣненіе, что то, что подъ именемъ его разумѣлось, уже рѣшительно не могло разумѣться: какъ напримѣръ, еслибы воскъ отъ огня обратился въ нары и подвергся такому измѣненію, что субъектъ дѣйствительно считался бы измѣненнымъ, т. е. бывши воскомъ, пересталъ бы уже быть воскомъ; въ такомъ случаѣ уже никоимъ образомъ нельзя представлять, чтобы въ субъектѣ такъ или иначе осталось что нибудь изъ того, что существовало въ немъ потопику, поколику онъ былъ этимъ, а не другимъ субъектомъ.

Поэтому если душа оказывается такимъ субъектомъ, въ которомъ, какъ мы сказали выше, разумъ существуетъ нераздѣльно и съ тою необходимостію, какая условливаетъ бытіе субъекта; и если душою можетъ быть только душа живая, и разумъ не можетъ въ ней быть безъ жизни, а разумъ безсмертенъ: то безсмертна и душа. Ибо разумъ никоимъ образомъ не можетъ продолжать своего существова-

БЛАЖЕННОГО АВГУСТИНА

1

если перестанетъ существовать его субъектъ. А это и
чилось бы, если бы съ душою произошло такое измѣне-
которое сдѣлало бы ею не душою, т. е. заставило бы
умереть. Но никакое изъ приведенныхъ измѣненій, про-
водятся ли они тѣломъ или самою душою (хотя вопросъ
томъ, производятся ли нѣкоторыя изъ нихъ самою душою,
е. сама ли она служить причиною ихъ, — вопросъ весьма
юрный), не дѣлаютъ того, чтобы душа не была болѣе ду-
ю. Слѣдовательно измѣненія эти не только безопасны самъ
себѣ, но не подрываютъ и нашихъ выводовъ.

ГЛАВА VI.

*Разумъ, который неизмѣненъ, не можетъ быть отдѣ-
ленъ отъ самой души, существуетъ ли онъ въ душѣ
или съ душою, или душа существуетъ въ немъ.*

Итакъ я нахожу необходимымъ направить все умозри-
тельныя силы на то, чтобы разъяснить, что такое разумъ
какія можно дать ему опредѣленія, чтобы разъяснить вся-
ски и вопросъ о безсмертіи души. Разумъ есть взоръ
уши, которымъ она сама собою, безъ посредства тѣла, со-
врцаетъ истинное; или онъ есть то самое созерцаніе истин-
наго безъ посредства тѣла, или онъ есть то самое истинное, кото-
е созерцается. Что первое существуетъ въ душѣ, въ томъ
кто не сомнѣвается; о второмъ и третьемъ можетъ быть
прось. Впрочемъ и второе не возможно безъ души. Но от-
сительно третьяго существуетъ сильный споръ: то истин-
е, которое душа можетъ созерцать безъ тѣла, какъ ору-
я, существуетъ ли само собою, а не въ душѣ, и можетъ
и оно существовать безъ души? Притомъ, какимъ бы об-
взомъ оно ни существовало, душа не могла бы созерцать
то сама собою безъ какой либо связи съ нимъ. Ибо все,
то мы созерцаемъ, мы схватываемъ мыслию или чувствомъ
разумѣніемъ. Но то, что мы схватываемъ чувствомъ, мы

чувствуемъ существующимъ внѣ насъ и заключеннымъ въ пространство, изъ котораго оно не можетъ быть изъято. А то, что представляется уму, представляется находящимся не гдѣ либо, а въ самомъ уже умѣ, который уразумѣвается, и притомъ не заключеннымъ въ опредѣленномъ мѣстѣ.

Поэтому связь между созерцающею душою и созерцаемымъ истиннымъ или таково, что субъектомъ служить душа, а это истинное существуетъ въ субъектѣ; или напротивъ—истинное служить субъектомъ, а душа существующимъ въ субъектѣ; или и то и другое есть субстанція. Если имѣть мѣсто первое изъ этихъ трехъ, то душа безсмертна, также какъ и разумъ, согласно предшествующему разсужденію; потому что разумъ можетъ быть присущъ только живой душѣ. Тоже слѣдствіе необходимо вытекаетъ и изъ втораго. Ибо если истинное есть то, что мы называемъ разумомъ, то въ немъ нѣтъ, какъ это очевидно, ничего подлежащаго измѣненію; ничто существующее въ немъ какъ въ субъектѣ измѣниться не можетъ. Итакъ весь споръ касается третьяго. Ибо если душа есть субстанція, и разумъ, съ которымъ она стоитъ въ связи, есть также субстанція, то никому не покажется нелѣпнымъ предположеніе, что первая можетъ прекратить свое существованіе въ ту пору, какъ послѣдній будетъ его продолжать. Но очевидно, что пока душа нераздѣльна отъ разума и тѣсно соединена съ нимъ, она неизбѣжно должна оставаться и жить. Но какая же сила можетъ отдѣлить ее? Ужъ не тѣлесная ли, которая и могуществомъ слабѣе, и происхожденіемъ ниже, и по свойству своему весьма отлична? Никоемъ образомъ. Слѣдовательно одушевленная? Но и это какимъ образомъ? Неужели какой бы то ни было другой, болѣе могущественный духъ, не иначе можетъ созерцать разумъ, какъ только устранявъ отъ того другой духъ? Но съ одной стороны ни одному изъ созерцающихъ нельзя отказать въ разумѣ, если они оба созер-

раютъ; а съ другой, если нѣтъ ничего могущественнѣе самаго разума, котораго нѣтъ ничего неизмѣннѣе, то духъ, не соединившійся еще съ разумомъ, никоимъ образомъ не можетъ быть могущественнѣе того, который соединенъ. Остается, чтобы или самъ разумъ отдѣлился отъ души, или душа по своей доброй волѣ отдѣлилась отъ него. Но въ природѣ разума нѣтъ той зависти, которая заставляла бы его отказывать другѣ пользоваться собою. Далѣе,—что болѣе важно,—всему, что соединяется съ разумомъ, разумъ тѣмъ самымъ сообщаетъ бытіе; а этому противоположно уничтоженіе. Не меньшею было бы нелѣпностію, еслибы кто сказалъ, что душа можетъ отдѣлиться отъ разума по доброй волѣ (если только возможно какое либо взаимное отдѣленіе между вещами, которыя не находятся въ опредѣленномъ мѣстѣ). Сказать такъ можно лишь вопреки всему вышесказанному; на что мы представили другія опроверженія. Итакъ что же? Не слѣдуетъ ли заключить, что душа безсмертна? Но можетъ быть, если она не можетъ отдѣлиться, можетъ угаснуть? Но если сила разума въ силу единенія своего извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ на душу,—а не дѣйствовать она не можетъ,—то безъ всякаго сомнѣнія дѣйствуетъ въ томъ смыслѣ, что даетъ ей продолжать существованіе. Въ силу того онъ и есть именно разумъ, что въ немъ предполагается высшая неизмѣнность. Поэтому, на кого онъ извѣстнымъ образомъ дѣйствуетъ, того онъ какъ бы принуждаетъ продолжать существованіе. Итакъ душа угаснуть не можетъ, если не будетъ отдѣлена отъ разума. Отдѣлиться же, какъ мы доказали выше, она не можетъ. Слѣдовательно она не можетъ и умереть.

ГЛАВА VII.

Если душа и подвергается убыли въ своей субстанціи, это также не ведетъ ее къ уничтоженію.

Отвращеніе души отъ разума, слѣдствіемъ котораго бываетъ глупость, не можетъ не сопровождаться для ней убылью. Если обращеніе къ разуму и привязанность къ нему даетъ ей извѣстное превосходство, такъ какъ она прилѣпляется къ вещи неизмѣнной, какова истина, представляющая собою самое высшее и первоначальное: то отвращеніе отъ него уменьшаетъ для ней все это; что и составляетъ убыль. Всякая же убыль склоняется къ ничтожеству, а подъ смертію въ собственномъ смыслѣ то и слѣдуетъ разумѣть, что нѣчто, бывшее чѣмъ либо, становится ничѣмъ. Склоняться къ ничтожеству, значить склоняться къ смерти. Если душа такой убыли не подвергается, то трудно сказать, кто ей подвергается; а съ этимъ соединяется и остальное. Но чтобы то, что склоняется къ ничтожеству, непремѣнно умирало, т. е. достигало ничтожества, это должно быть отвергаемо. Такой примѣръ можно указать на тѣлѣ. Всякое тѣло есть часть чувственнаго міра, и потому чѣмъ оно больше и чѣмъ болѣе занимаетъ мѣста, тѣмъ оно болѣе приближается къ цѣлому (*міру*); и насколько это дѣлаетъ его бѣльшимъ, настолько оно и больше. Ибо цѣлое больше, чѣмъ часть. Поэтому же, уменьшаясь, оно естественно становится меньше. Слѣдовательно, какъ скоро уменьшается, оно подвергается убыли. Уменьшается же оно, какъ скоро отдѣляется отъ него нѣчто чрезъ отсѣченіе. Изъ этого слѣдуетъ, что подобное отдѣленіе ведетъ тѣло къ уничтоженію. Но никакое отсѣченіе не доводитъ до ничтожества. Ибо всякая остающаяся часть продолжаетъ быть тѣломъ, а всякое тѣло занимаетъ въ пространствѣ какое нибудь мѣсто. А это было бы невоз-

можно, если бы оно не имѣло частей, на которыя въ свою очередь не могло бы быть разсѣчено. Слѣдовательно чрезъ безконечное сѣченіе оно можетъ уменьшаться до безконечности, подвергаться черезъ это убыли и склоняться къ уничтоженію, хотя дойти до ничтожества не можетъ никогда. Тоже можно сказать и усмотрѣть и относительно самаго пространства и какого угодно разстоянія. Опредѣливъ ихъ и отдѣливъ отъ нихъ, напримѣръ, половину, а затѣмъ изъ оставшаго отдѣляя постоянно также по половинѣ, мы будемъ уменьшать размѣръ и идти до конца, котораго однакоже никоимъ образомъ не достигнемъ. Зачѣмъ же намъ бояться этого относительно своей души? Во всякомъ случаѣ она лучше и живучѣе тѣла, которое отъ ней и получаетъ свою жизнь.

ГЛАВА VIII.

Какъ у тѣла нельзя отнять того, что дѣлаетъ его тѣломъ, такъ и у души того, что дѣлаетъ ее душою.

Но если то, что дѣлаетъ тѣло тѣломъ, заключается не въ массѣ его, а въ его видѣ? А подобная мысль имѣетъ подъ собою неопровержимое основаніе; ибо тѣло тѣмъ преимущественнѣе, чѣмъ оно благовиднѣе и красивѣе, и тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ оно противнѣе и безобразнѣе. Такая убыль зависитъ не отъ отсѣченія массы, о которомъ сказано достаточно, а отъ потери вида. Нужно подумать и разсудить объ этомъ предметѣ, чтобы кто нибудь не сталъ утверждать, что душа умираетъ вслѣдствіе такой убыли, а именно: такъ какъ, будучи глупою, оно теряетъ нѣкоторымъ образомъ свой видъ, то можно-де думать, что потеря подобная можетъ дойти до такой степени, что душа совершенно лишится всякаго вида, и чрезъ это дойдетъ до ничтожества и будетъ вынуждена умереть. Поэтому, если бы мы оказались въ со-

стояніи доказать, что и съ тѣломъ не можетъ случиться, чтобы оно потеряло тотъ видъ свой, который дѣлаетъ его тѣломъ: то можетъ быть мы вправѣ были бы считать доказаннымъ, что тѣмъ болѣе у души нельзя отнять того, что дѣлаетъ ее душою. Ибо всякій, внимательно всмотрѣвшійся въ самаго себя, признаетъ, что какая бы то ни было душа должна быть поставляема выше всякаго тѣла.

Итакъ вступленіемъ къ нашему разсужденію пусть будетъ положеніе, что никакая вещь не творитъ и не раждаетъ сама себя; ибо иначе она существовала бы прежде, чѣмъ получила свое существованіе. Если послѣднее ложно, то первое истинно. Также точно, что не сотворено и не рождено, а между тѣмъ существуетъ, то по необходимости должно быть вѣчнымъ. Кто усвоитъ подобную природу и превосходство какому нибудь тѣлу, тотъ крайне заблуждается. Но зачѣмъ намъ опровергать его? Вѣдь въ такомъ случаѣ мы тѣмъ болѣе вынуждаемся усвоить это душѣ. Вѣдь если есть хоть какое нибудь тѣло вѣчное, то души не вѣчной нѣтъ никакой. Ибо всякая какая бы то ни было душа должна быть предпочитаема всякому какому бы то ни было тѣлу, какъ и все вѣчное не вѣчному. Но если, какъ утверждаютъ справедливо, тѣло сотворено, то оно сотворено чѣмъ либо творившимъ, и при томъ—не низшимъ тѣла. Ибо оно не было бы въ состояніи дать тому, что творило, все то, что есть въ творимомъ, но и не равнымъ. Ибо творящему нужно для творенія имѣть нѣчто лучшее, чѣмъ то, что оно творитъ. О раждающемъ только говорится правильно, что оно есть тоже самое, что и раждается отъ него. Итакъ, міровое тѣло создано нѣкоторою силою и природою могущественнѣйшею и лучшею, но ни въ какомъ случаѣ—не тѣлесною. Ибо если бы тѣло было создано тѣломъ, оно не было бы міровымъ. Высказанное нами въ началѣ этого разсужденія положеніе, что никакая вещь не можетъ получить бытіе

сама отъ себя, вполнѣ истинно. Эта же сила и нетѣлесная природа, зиждительница міроваго тѣла, и держитъ міръ существимъ могуществомъ. Ибо, сотворивъ, она не удалилась, и не оставила сотвореннаго. Она такая субстанція, которая не есть тѣло, и которая, такъ сказать, не имѣетъ движенія относительно мѣста, чтобы могла отдѣлиться отъ субстанціи, занимающей мѣсто; и зиждительная сила эта не можетъ оставаться въ бездѣйствіи, чтобы не охранять сотворенное ею и допускать терять видъ, какъ бы онъ ни былъ разнообразенъ. Ибо что существуетъ не само чрезъ себя, то непремѣнно перестанетъ существовать, если будетъ оставлено тѣмъ, чрезъ что существуетъ; и мы не можемъ сказать, чтобы тѣло, когда сотворено, получило то, что могло бы уже поддерживать само себя, хотя бы было и оставлено Творцемъ.

Но при всемъ томъ душа, которой превосходство надъ тѣломъ очевидно, имѣетъ это въ высшей степени. А если она можетъ продолжать свое существованіе сама чрезъ себя, это служитъ доказательствомъ ея близости къ безсмертію. Ибо все таковое естественно будетъ нетлѣннымъ, и потому не можетъ умереть, такъ какъ само себя не оставитъ. Измѣнчивость же тѣла очевидна. Это достаточно показываетъ общее движеніе самаго міроваго тѣла. Всматривающимся внимательно въ это движеніе, насколько такого свойства природа можетъ быть наблюдаема, открывается, что порядокъ, въ которомъ протекать въ немъ измѣненія, служитъ подражаніемъ тому, что неизмѣнно. Но то, что существуетъ само чрезъ себя, не имѣетъ нужды и ни въ какомъ движеніи, такъ какъ все жизненное для него находится въ немъ же самомъ. Ибо всякое движеніе есть движеніе къ другому, въ которомъ движущееся имѣетъ нужду. Итакъ міровому тѣлу присущъ видъ, благодаря поддержкѣ и охраненію со стороны той лучшей природы, которая его создала; въ силу

чего упомянутая измѣнчивость не отнимаетъ у тѣла возможности быть тѣломъ, а заставляетъ его посредствомъ самаго упорядоченнаго движенія переходить изъ вида въ видъ. Ибо ни одна, какая бы то ни было, часть его не доводится до уничтоженія. Все обнимаетъ она творческая сила своимъ могуществомъ не утомляющимся и не прекращающимъ своей дѣятельности, и даетъ продолжать существованіе всему, что существуетъ чрезъ нее, насколько существуетъ. Поэтому никто не долженъ доходить до такой глупости, чтобы не считать за несомнѣнное, что душа лучше тѣла, или признавъ это думать, что хотя съ тѣломъ и не случается, чтобы оно переставало быть тѣломъ, съ душою однакоже случится, что она перестанетъ быть душою. А если это не случится, и душа не можетъ продолжать своего существованія, если не будетъ жить: то несомнѣнно, что душа никогда не умретъ.

ГЛАВА IX.

Душа есть жизнь, и потому не можетъ потерять жизни.

Если же кто скажетъ, что душѣ слѣдуетъ бояться не той смерти, въ силу которой бывшее вѣчто обращается въ ничто, а той, вслѣдствіе которой мы называемъ мертвымъ то, что лишено жизни; такой пусть обратитъ вниманіе на то, что никакая вещь не лишается самой себя. Душа есть жизнь извѣстнаго рода; поэтому все, что одушевлено, живеть, а все неодушевленное, что могло бы быть одушевлено, считается мертвымъ, т. е. лишеннымъ жизни. Слѣдовательно душа не можетъ умереть. Ибо если бы она могла лишиться жизни, она была бы не душою, а чѣмъ то одушевленнымъ. Если же это нелѣпо, то душѣ еще гораздо менѣе слѣдуетъ бояться этого рода смерти, который вовсе не долженъ быть страшенъ для жизни. Вѣдь если бы душа умирала тогда, когда оставляла бы ее эта жизнь; то душою гораздо пра-

вильнѣ должна быть признаваема самая жизнь, которая въ данный моментъ оставляетъ: такъ что душою будетъ не то нѣчто, что оставляется жизнiю, а эта самая жизнь, которая оставляетъ. Ибо когда мы называемъ что либо, оставленное жизнiю, мертвымъ, то разумѣемъ, что это оставлено душою; а эта жизнь, оставляющая то, что умираетъ, есть сама душа, и себя самой не оставляетъ. Слѣдовательно душа не умираетъ.

ГЛАВА X.

Душа не есть организація тѣла.

Но можетъ быть мы должны считать душу за нѣкую организацію тѣла, какъ думали нѣкоторые? Но подобное представленiе никогда не пришло бы имъ на мысль, если бы тою же самою душою, отрѣшенной и очищеною отъ привычекъ тѣлесныхъ, они были въ состоянiи созерцать то, что существуетъ истинно и пребываетъ неизмѣннымъ. Ибо кто хорошо всматривающійся въ себя не пыталъ, что онъ тѣмъ болѣе здраво понимаетъ чтобы то ни было, чѣмъ болѣе бываетъ въ состоянiи отвлечь и освободить вниманiе умственное отъ чувствъ тѣлесныхъ? Этого никакъ не могло бы случиться, если бы душа была организаціею тѣлесною. Ибо такая вещь, которая не имѣла бы своей собственной природы и не была бы субстанціею, а была бы присуща субъекту—тѣлу какъ цвѣтъ и форма, никоимъ образомъ не усиливалась бы отстраняться отъ этого самаго тѣла для воспріятiя постигаемаго только умомъ, а насколько могло бы тѣло, настолько же могла бы усматривать и она, и посредствомъ такого созерцанiя могла бы становиться лучше и превосходнѣе. Ибо форма, или цвѣтъ, или даже самая организація тѣла, которая представляетъ собою определенное смѣшенiе извѣстныхъ четырехъ стихiй, изъ которыхъ состоитъ самое тѣло, никоимъ образомъ не мо-

субъектъ нераздѣльно. Къ тому же, то, что уразумѣваетъ душа, когда отвлекается отъ тѣла, отнюдь не есть тѣлесное; тѣмъ не менѣе оно существуетъ, и существуетъ по преимуществу, потому что всегда существуетъ однимъ и тѣмъ же образомъ. Ничего не можетъ быть нелѣпѣе утверждения, что видимое нашими глазами существуетъ, а усматриваемое нашимъ умомъ не существуетъ, когда только безумному свойственно сомнѣваться въ томъ, что умъ несравненно превосходитъ глазъ. Созерцая же то, что представляется всегда существующимъ одинаковымъ образомъ, душа показываетъ, что она соединена съ этимъ нѣкоторымъ удивительнымъ и нетѣлеснымъ способомъ, т. е. не по мѣсту. Все это существуетъ въ ней, или она сама существуетъ въ этомъ. И при этомъ одно изъ двухъ: или одно существуетъ въ другомъ какъ въ субъектѣ, или и то и другое субстанція. Если имѣетъ мѣсто первое, то душа не существуетъ въ тѣлѣ, какъ субъектѣ, въ родѣ цвѣта и формы: потому, что она или сама есть субстанція, или присуща, какъ субъекту, другой субстанціи, которая не есть тѣло. Если же вѣрно второе, то душа не существуетъ въ тѣлѣ, какъ въ субъектѣ, въ видѣ цвѣта, потому что сама есть субстанція. Организациа же тѣла существуетъ въ субъектѣ-тѣлѣ какъ цвѣтъ. Итакъ душа не есть организациа тѣла; но душа есть жизнь; а никакая вещь не оставляетъ себя самой; то же, что умираетъ, оставляется жизнью. Слѣдовательно душа не можетъ умереть.

ГЛАВА XI.

Душа не умираетъ черезъ ложь, противную истинѣ, хотя бытіемъ своимъ душа обязана истинѣ.

Итакъ, если слѣдуетъ все же чего опасаться, то слѣдуетъ опасаться, чтобы душа не умерла отъ убыли, т. е. въ томъ случаѣ, если бы она потеряла самый видъ своего

существованія. Хотя мнѣ кажется, что объ этомъ предметѣ сказано достаточно и хотя нельзя съ точностію показать, какъ это могло бы случиться, однако слѣдуетъ прибавить, что для опасенія этого рода нѣтъ другой причины, кромѣ той, что въ душѣ глупой мы должны признать нѣкоторую убыль, а въ душѣ мудрой большую наличность и полноту сущности. Но если, въ чемъ никто не сомнѣвается, дуня бываетъ самою мудрою тогда, когда созерцаетъ всегда одинаково существующую истину и пребываетъ въ ней неподвижно, соединенная съ нею божественною любовію, и если все то, что какимъ бы то ни было образомъ существуетъ, получаетъ бытіе отъ той сущности, которая существуетъ высшимъ и превосходнѣйшимъ образомъ: то душа, насколько существуетъ, или получаетъ бытіе отъ ней, или существуетъ сама чрезъ себя. Но если она существуетъ сама чрезъ себя, то никогда сама служить причиною своего существованія и никогда не оставляетъ себя. она никогда и не умираетъ, какъ разсуждали мы и выше. Но если она получаетъ бытіе отъ истины, то нужно внимательно разслѣдывать, что можетъ быть такое противное истинѣ, что отняло бы у души ея бытіе какъ души, доставляемое ей истиною. Что же это такое? Не ложь ли это, такъ какъ она—истина? Но насколько душѣ можетъ вредить ложь, это очевидно и у всѣхъ передъ глазами. Вѣдь большаго не можетъ она сдѣлать, какъ только обмануть? А обманывается только тотъ, кто живетъ. Слѣдовательно ложь не можетъ убить душу. Если же то, что противно истинѣ, не можетъ отнять у души ея бытіе какъ души, которое дала ей истина (ибо до такой степени непобѣдима истина): то что найдется другое, что отняло бы у души то, что она есть душа? Разумѣется, ничто: ибо ничто не можетъ быть сильнѣе противоположнаго для уничтоженія того, что производитъ противоположное ему.

ГЛАВА XII.

Истиннѣ, благодаря которой душа есть то, что она есть, насколько она существуетъ сама, ничто не противно.

Но если мы станемъ искать противнаго истинѣ не насколько она есть истина, а насколько она существуетъ высшимъ и преимущественнѣйшимъ образомъ (хотя она настолько и существуетъ, насколько есть истина; потому что истинною мы называемъ то, въ силу чего истинно все, что въ какомъ либо видѣ существуетъ, а существуетъ оно настолько, насколько есть истинно): то и отъ этого я не уклонюсь, потому что это еще очевиднѣе будетъ въ мою пользу. Ибо никакая сущность, насколько она сущность, не имѣетъ чего либо противоположнаго себѣ; тѣмъ менѣе можетъ имѣть противоположное себѣ та первая сущность, насколько она сущность, которая называется истинною. Ибо всякая сущность не почему либо иному есть сущность, какъ потому, что она существуетъ. Существованію же противоположно только несуществованіе. Поэтому сущности противоположно ничто. Итакъ вовсе нѣтъ вещи, которая могла бы быть противоположна той субстанціи, которая существуетъ преимущественнымъ и первоначальнымъ образомъ. Если и душа имѣетъ отъ ней то самое, чѣмъ она есть (а она, если не имѣетъ отъ себя, и не можетъ этого имѣть ни откуда, какъ только отъ той вещи, которая этимъ самымъ превосходить душу), то нѣтъ никакой вещи, которая отняла бы это, потому что нѣтъ вещи противоположной той, отъ которой она это имѣетъ; и поэтому она не перестанетъ существовать. Но мудрость, которую душа имѣетъ вслѣдствіе обращенія своего къ тому, отъ чего получаетъ бытіе, она можетъ потерять вслѣдствіе отвращенія отъ него. Ибо обращенію противоположно отвращеніе. То же, что она имѣетъ отъ

того, чему ничто не противоположно, то не может ни отъ чего потерять. Итакъ она не можетъ умереть.

ГЛАВА XIII.

Душа не обращается и въ тѣло.

При этомъ можетъ возникнуть одинъ вопросъ: такъ какъ душа не уничтожается, то не измѣняется ли она въ нѣкоторую худшую сущность? Ибо кому нибудь можетъ показаться, и не безъ основанія, что изъ этого разсужденія слѣдуетъ, что душа не можетъ дойти до ничтожества, но обратиться въ тѣло пожалуй можетъ. Вѣдь если бывшее прежде душою сдѣлается тѣломъ, оно отнюдь не перестанетъ существовать вовсе. Но этого не можетъ случиться иначе, какъ если или она сама того пожелаетъ, или будетъ вынуждена къ тому другимъ. Впрочемъ, сама ли бы душа того пожелала или была къ тому вынуждена, изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она могла сдѣлаться тѣломъ. Если бы такое случилось, то слѣдовало бы, что она того желаетъ или вынуждена къ тому. Но не слѣдуетъ, что если бы она пожелала или была принуждена къ тому, то это и было бы. Но она никогда этого и не захочетъ. Ибо всѣ желанія ея относительно тѣла сводятся къ тому, чтобы владѣть имъ, или оживлять его, или какимъ либо образомъ дѣйствовать, или въ какомъ либо отношеніи заботиться о немъ. Но всего этого быть не можетъ, если она не будетъ лучше тѣла. А если станетъ тѣломъ, то лучше тѣла ни въ какомъ случаѣ не будетъ. Слѣдовательно быть тѣломъ она не пожелаетъ. Впрочемъ, самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ этого будетъ то, если на этотъ счетъ спросить сама себя душа. Этимъ путемъ она легко откроетъ, что не имѣетъ никакого другого желанія, кромѣ желанія дѣлать что нибудь, или знать, или чувствовать, или только жить, насколько она располагаетъ своею собственною властію.

Если же ее принуждаютъ стать тѣломъ, то кто принуждаетъ? Конечно, кто нибудь болѣе могущественный. Вѣдь само тѣло принуждать ее не можетъ. Ибо никакое тѣло не могущественнѣе какой бы то ни было души. Душа же болѣе могущественная принуждаетъ къ чему либо только подчиненное ей власти. Но душа подчиняется власти другой души единственно посредствомъ своихъ пожеланій. Итакъ и болѣе могущественная душа принуждаетъ лишь настолько, насколько дозволяютъ собственныя пожеланія той, которую она принуждаетъ. Но сказано, что душа не можетъ имѣть желанія быть тѣломъ. При томъ очевидно, что душа не достигнетъ никакого исполненія своего желанія, какъ скоро потеряетъ всякое желаніе; а она потеряетъ его, какъ скоро станетъ тѣломъ. Итакъ она не можетъ быть принуждена стать тѣломъ со стороны того, кто имѣетъ право принуждать только чрезъ подчиненныя его власти пожеланія. За тѣмъ, всякая душа, имѣющая во власти другую душу, естественно пожелаетъ лучше имѣть во власти ее, чѣмъ тѣло, и лучше ей пожелаетъ по добротѣ своей помочь, или съ зложелательствомъ давать повелѣнія. Поэтому она не захочетъ, чтобы та была тѣломъ.

Наконецъ, эта принуждающая душа есть или животное, или тѣла не имѣетъ. Но если она не имѣетъ тѣла, то она не есть и въ этомъ мірѣ. А если это такъ, то она въ высшей степени благая душа, и не можетъ желать другой такого гнуснаго измѣненія. Если же она животное, то и та, которую она принуждаетъ, есть также животное, или нѣтъ. Если она не животное, то не можетъ быть принуждена другою ни къ чему. Ибо тотъ не имѣетъ могущественнѣйшаго себя, кто стоитъ на высочайшей степени. Если же она существуетъ въ тѣлѣ, то къ чему ни принуждается отъ той, которая существуетъ также въ тѣлѣ, принуждается чрезъ тѣло. А кто усумнится, что такое измѣненіе души ниво-

имъ образомъ не можетъ совершиться чрезъ тѣло? Совершилось бы, еслибы тѣло было могущественнѣе ея; между тѣмъ какъ все, къ чему она принуждается тѣломъ, въ существѣ дѣла принуждается не тѣломъ, а своими собственными пожеланіями, о которыхъ сказано достаточно. Всѣ согласны, что лучшее разумной души есть Богъ. А Богъ несомнѣнно печется о душѣ, и поэтому не Имъ можетъ быть принуждаема душа обратиться въ тѣло.

ГЛАВА XIV.

Ни сонъ, ни другое подобнаго рода состояніе тѣлесное не убавляетъ силы души.

Итакъ если ни по собственной волѣ, ни по чужому принужденію душа не подвергается этому, то что могло бы ее этому подвергнуть? Ужь не потому ли, что насъ часто невольно одолеваетъ сонъ, намъ слѣдуетъ бояться, чтобы какимъ либо подобнымъ затемнѣніемъ душа наша не обратилась въ тѣло? Но развѣ отъ того, что сонъ приводитъ въ разслабленіе наши члены, душа наша дѣлается въ какомъ либо отношеніи безсильнѣе? Онъ не чувствуетъ только подлежащее чувствамъ, потому что то, что производитъ сонъ, возникаетъ изъ тѣла и дѣйствуетъ въ тѣлѣ. Онъ приводитъ въ безчувственное состояніе и нѣкоторымъ образомъ заслоняетъ тѣлесныя чувства, такъ однакоже, что душа уступаетъ этому измѣненію съ удовольствіемъ; потому что измѣненіе это. возобновляющее тѣлесныя силы послѣ трудовъ, происходитъ по закону природы. Онъ не отнимаетъ одинаково у души силы ни чувствовать, ни понимать. Ибо она имѣетъ предъ глазами и образы чувственныхъ предметовъ, съ такимъ даже выраженіемъ сходства, что въ то самое время ихъ нельзя отличить отъ тѣхъ предметовъ, которыхъ они суть образы; и если что уразумѣваетъ, то бываетъ одинаково истинно и для спящаго и для бодрствующаго. На-

примѣръ, если кто во снѣ увидитъ себя разсуждающимъ и будетъ въ состязаніи утверждать что нибудь на основаніи истинныхъ положеній, то положенія эти и по пробужденіи останутся тѣми же неизмѣнно, хотя и окажется ложнымъ остальное, какъ напримѣръ мѣсто, гдѣ представлялось веденнымъ разсужденіе, лицо, съ которымъ оно велось, самыя слова съ звуковой ихъ стороны, какими состязаніе велось, и другое тому подобное, что когда чувствуется и дѣлается даже бодрствующими, также проходитъ безслѣдно, и ни въ какомъ отношеніи не напоминаетъ вѣчнаго присутствія истинныхъ основоположеній. Это ведетъ къ заключенію, что такое тѣлесное измѣненіе, какое представляетъ собою сонъ, можетъ отнимать у души пользованіе тѣломъ, но не ея собственную жизнь.

ГЛАВА XV.

Снова о томъ, что душа не можетъ измѣниться въ тѣло.

Наконецъ, если съ тѣломъ, занимающимъ извѣстное мѣсто, душа связана не мѣстомъ, то тѣ высшія и вѣчныя причины, которыя пребываютъ неизмѣнно и не содержатся въ какомъ либо мѣстѣ, дѣйствуютъ прежде на душу, чѣмъ на тѣло, и не только прежде, но и преимущественнымъ образомъ. Дѣйствуютъ настолько прежде, насколько оно къ нимъ ближе, и настолько преимущественнымъ образомъ, насколько она лучше тѣла. Близость же эта разумѣется не по мѣсту, а по порядку природы. Подразумѣвается, что въ силу этого порядка верховная сущность даетъ чрезъ посредство души тѣлу тотъ видъ, въ которомъ оно существуетъ, насколько существуетъ. Итакъ тѣло существуетъ чрезъ душу, и въ силу того самаго, что одушевлено, общимъ ли образомъ, какъ міръ, или частнымъ, какъ всякое животное въ мірѣ. Отсюда прямое заключеніе, что душа

могла бы сдѣлаться тѣломъ черезъ душу, но иначе никакъ не можетъ. Но такъ какъ этого не бываетъ: потому что, пока душа пребываетъ въ томъ, чему она служить душою, тѣло существуетъ благодаря ей, которая даетъ ему видъ, а не отнимаетъ; то душа въ тѣло измѣниться не можетъ. Ибо если бы она не передавала тѣлу того вида, который получила отъ высочайшаго блага, тѣло существовало бы не черезъ нее; а еслибы оно не существовало черезъ нее, то или не существовало бы вовсе, или также получало бы свой видъ ближайшимъ образомъ, было бы тоже, что и душа. Ибо въ этомъ и заключается различіе: душа потоніи лучше, что получаетъ ближайшимъ образомъ. Но и тѣло получало бы также ближайшимъ образомъ, если бы получало не чрезъ душу. Ибо при отсутствіи какаго бы то ни было посредства оно непременно получало бы стольже близкимъ образомъ. Кромѣ оживляющей души, нѣтъ ничего, что находилось бы между высочайшею жизнію, которая есть мудрость и неизмѣнная истина, и тѣмъ, что оживляется, какъ послѣднее по порядку, т. е. тѣломъ. Поэтому если душа передаетъ тѣлу видъ, чтобы оно было тѣломъ, насколько существуетъ какъ тѣло: то никоимъ образомъ она, передавая видъ, не отнимаетъ его. А она отнимала бы, измѣняя душу въ тѣло. Итакъ душа не дѣлается тѣломъ ни сама чрезъ себя, потому что тѣло существуетъ только подъ условіемъ пребыванія души чрезъ душу; ни чрезъ другую душу, потому что тѣло существуетъ только чрезъ душу передачею вида, а душа обратилась бы въ тѣло, если бы только обратилась, чрезъ отнятіе вида.

ГЛАВА XVI.

Душа разумная не обращается и въ душу неразумную. Душа находится вся какъ въ цѣломъ тѣлѣ, такъ и въ отдѣльных частяхъ.

Тоже можно сказать и относительно души или жизни неразумной, т. е. что душа разумная и въ нее не обращается. Ибо и неразумная душа подчинена разумной въ силу низшаго порядка, и чтобы быть таковою, отъ ней получаетъ видъ. По естественному порядку, видъ, принятый отъ высочайшей крассты, слабѣйшимъ передаютъ сильнѣйшія. Передавая же, они ни въ какомъ случаѣ не отнимаютъ. И слабѣйшія потоплику существуютъ, насколько существуютъ, поколику имъ передается видъ сильнѣйшими. Сильнѣйшія же вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшія. Такова уже особенность этихъ натуръ, что онѣ преимуществуютъ не большею массою надъ меньшими массаами, а независимо отъ всякаго пространственнаго объема сильнѣе и лучше самымъ видомъ. Въ такомъ родѣ душа лучше и могущественнѣе тѣла. Поэтому-то, если чрезъ нее, какъ сказано, существуетъ тѣло,—сама она никомъ образомъ въ тѣло обратиться не можетъ. Ибо тѣло существуетъ потому только, что получаетъ чрезъ душу видъ. Душа же, чтобы сдѣлаться тѣломъ, должна не принимать, а терять видъ; что невозможно, если только душа не заключена въ опредѣленномъ мѣстѣ и не соединена съ тѣломъ мѣстнымъ образомъ. Въ послѣднемъ случаѣ, пожалуй, бѣлая масса быть можетъ и была бы въ состояніи обратить лучшій видъ въ свой худшій, какъ масса воздуха малый огонекъ. Но этого нѣтъ. Ибо всякая масса, занимающая мѣсто, получаетъ цѣлостность свою отъ всѣхъ частей, а не существуетъ вся въ каждой отдѣльной части. Одна часть ея находится въ одномъ мѣстѣ, другая въ другомъ. Душа же не только всей массѣ своего тѣла, но и каж-

дой отдѣльной частичкѣ его присуца въ одно и тоже время вся. Она вся чувствуетъ страданіе части тѣла, и чувствуетъ его однакоже не во всемъ тѣлѣ. Когда болитъ что нибудь на ногѣ, это замѣчаетъ глазъ, говоритъ о томъ языкъ, притягивается къ тому рука. Этого не было бы, если бы душа, насколько присуца въ тѣхъ частяхъ, не чувствовала и въ ногѣ; а чувствовать, что тамъ дѣлается, она не могла бы, если бы отсутствовала. Ибо невѣроятно, чтобы это дѣлалось чрезъ посредство какого либо вѣстника, не чувствующаго того, о чемъ извѣщаетъ; потому что страданіе, которое бываетъ, не пробѣгаетъ по непрерывному продолженію массы тѣлесной, чтобы не дать ему укрыться отъ остальныхъ частей души, находящихся въ другихъ мѣстахъ; а душа вся цѣликомъ чувствуетъ то, что происходитъ въ частичкѣ ноги, и чувствуетъ только тамъ, гдѣ оно происходитъ. Слѣдовательно она вся цѣликомъ присутствуетъ одновременно въ каждой изъ отдѣльныхъ частей: потому что вся одновременно чувствуетъ въ каждой изъ нихъ. И присутствуетъ цѣликомъ вся не такъ однакоже, какъ бѣлизна, или другое того же рода качество, бываетъ вполне присуца той или другой части тѣла. Ибо измѣненіе въ бѣлизнѣ, которое терпитъ тѣло въ одной части, можетъ не имѣть никакого отношенія къ бѣлизнѣ его въ другой. Это служить доказательствомъ, что соотвѣтственно взаимному между собою разстоянію частей массы тѣлесной и она сама находится въ извѣстныхъ отъ себя разстояніяхъ. А что въ душѣ этого нѣтъ, доказывается чувствомъ, о которомъ сказано.

О КОЛИЧЕСТВѢ ДУШИ.

ОДНА КНИГА.

Въ этомъ разговорѣ собесѣдникъ предлагаетъ блаженному Августину шесть вопросовъ о душѣ. Предположивъ рассмотреть болѣе обстоятельно третій изъ нихъ, именно—колика душа, блаженный Августинъ прежде всего различаетъ двоякій родъ количества: одинъ, подъ которымъ разумѣется масса и обширность занимаемаго предметомъ мѣста, и другой, подъ которымъ разумѣется сила и доблесть; первый, какъ свойственный тѣлу, онъ не допускаетъ въ отношеніи къ душѣ; послѣдній же открываетъ въ ней. За тѣмъ онъ обозначаетъ семь степеней этого количества, по которымъ судить, какую силу имѣетъ душа какъ въ тѣлѣ, такъ сама по себѣ и предъ Богомъ.

ГЛАВА I.

Еводій предлагаетъ шесть вопросовъ о душѣ. Откуда душа. Отчизна души—Богъ. Сущность души своя особенная и простая

Такъ какъ я вижу, что у тебя много досуга, то прошу отвѣтить мнѣ на вопросы, которые занимаютъ меня, по моему мнѣнію, благовременно и умѣстно. Часто, когда я спрашивалъ тебя о многомъ, ты считалъ нужнымъ останавливать меня какимъ-то греческимъ изрѣченіемъ, которое запрягаетъ намъ доискиваться того, что выше насъ. Но въ данномъ случаѣ я не думаю, чтобы мы сами были выше насъ. Вѣдь если я спрашиваю о душѣ, не заслуживаю же отвѣта: Что намъ до того, что выше насъ? А вѣроятно заслуживаю услышать, что такое мы. А. Перечисли коротко, что ты желаешь слышать о душѣ. Е. Изволь: у меня это подготовлено долговременнымъ размысленіемъ. Я спрашиваю: откуда душа;

какова она; колика она; за чѣмъ она дана тѣлу; какою она становится, когда входитъ въ тѣло, и какою—когда оставляетъ его?

А. Твой вопросъ: откуда душа, я вынужденъ понимать въ двоякомъ смыслѣ. Въ одномъ смыслѣ мы говоримъ: откуда этотъ человѣкъ, когда желаемъ знать, гдѣ его отчизна; и въ другомъ—откуда онъ, когда спрашиваемъ, изъ чего состоитъ, т. е. изъ какихъ элементовъ и вещей составленъ. О чемъ изъ этого желаешь ты знать, когда спрашиваешь, откуда душа? Е. Я съ своей стороны желалъ бы знать о томъ и другомъ; но о чемъ слѣдуетъ знать прежде, предпочитаю предоставить твоему усмотрѣнію. А. Собственно душѣ принадлежащее мѣстопробываніе и отчизна ея, я полагаю, есть самъ Богъ, который сотворилъ ее. Но субстанцію души я назвать не могу. Я не думаю, чтобы она была изъ тѣхъ обыкновенныхъ и извѣстныхъ стихій, которыя подпадаютъ подъ эти тѣлесныя чувства. Я думаю, что душа не состоитъ ни изъ земли, ни изъ воды, ни изъ воздуха, ни изъ огня, ни изъ какого либо соединенія ихъ. Если бы спросилъ у меня, изъ чего состоитъ это дерево, я назвалъ бы тебѣ эти четыре общеизвѣстныя стихіи, изъ которыхъ, нужно полагать, состоитъ все подобное; но если ты продолжишь спрашивать: изъ чего состоитъ сама земля, или вода, или воздухъ, или огонь,—я уже не найдусь, что сказать на это. Также точно, когда спрашиваютъ: изъ чего составленъ человѣкъ, я могу отвѣчать: изъ души и тѣла; и если еще спросишь о тѣлѣ, я сошлюсь на указанныя четыре стихіи. Но при вопросѣ твоемъ о душѣ, которая есть нѣчто всегдашнее и своей особенной субстанціи, я нахожусь въ такомъ же затрудненіи, какъ если бы спросили: изъ чего земля? Е. Какимъ образомъ ты утверждаешь, что она имѣетъ свою собственную субстанцію, когда ты сказалъ, что она сотворена Богомъ; этого я не понимаю. А. А такимъ же

образомъ, какъ не могу я отрицать, что Богъ сотворилъ и самую землю; и однакоже не могу сказать, изъ какихъ какъ бы другихъ тѣлъ состоитъ земля. Ибо земля есть тѣло простое потому самому, что она земля, и отъ того называется стихіею всѣхъ тѣхъ тѣлъ, которыя состоятъ изъ четырехъ стихій. Слѣдовательно высказанная нами мысль, что душа и Богомъ создана, и имѣть нѣкоторую свою природу, не заключаетъ въ себѣ противорѣчія. Ибо эту нѣкоторую особенную ея и ея собственную природу сотворилъ самъ же Богъ, какъ сотворилъ природу огня, воздуха, воды и земли, изъ которыхъ вмѣстѣ составляется остальное.

ГЛАВА II.

Какова душа.

Е. Съ тѣмъ, откуда душа, т. е. что она отъ Бога, я пока соглашаюсь; внимательно объ этомъ самъ съ собою поразмыслию, и если встрѣтятся какое нибудь недоумѣніе, спрошу послѣ. Теперь прошу объяснить мнѣ, какова она. А. Мнѣ кажется, что она подобна Богу. Вѣдь ты, если не ошибаюсь, спрашиваешь о душѣ человѣческой. Е. Этого-то именно я и желаю, чтобы ты объяснилъ мнѣ, какимъ образомъ душа подобна Богу, когда о Богѣ мы вѣримъ, что Онъ не созданъ никѣмъ, а душа человѣческая, какъ ты выше сказалъ, создана Богомъ. А. Какъ, ты полагаешь, что Богу было трудно создать нѣчто подобное Ему, когда видишь, что это по силамъ и намъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ? Е. Но вѣдь мы производимъ смертное; а Богъ создалъ душу, какъ думается мнѣ, бессмертную. Или тебѣ это, можетъ быть, кажется иначе? А. Стало бытъ ты хотѣлъ бы, чтобы и люди творили такое же, какое сотворилъ Богъ? Е. Я не говорилъ этого. Но какъ онъ, будучи самъ бессмертнымъ, сотворилъ нѣчто бессмертное по подобію своему, такъ и то, что творимъ по своему подобію мы, создан-

ные отъ Бога безсмертными, должно бы быть безсмертными. А. Ты былъ бы правъ, если бы нарисовалъ картину по образу того, что считаешь въ себѣ безсмертнымъ; а при данныхъ условіяхъ ты изображаешь на ней подобіе тѣла, которое вполне смертно. Е. Какимъ же образомъ и подобенъ Богу, если не могу творить ничего безсмертнаго, какъ творить Онъ? А Какъ изображеніе твоего тѣла не можетъ имѣть той силы, какую имѣетъ твое тѣло, такъ не слѣдуетъ удивляться, если и душа не имѣетъ столько могущества, сколько имѣетъ Тотъ, по чьему подобію она сотворена.

ГЛАВА III.

Колика душа.

Е. Пока достаточно и этого. Теперь скажи, колика душа. А. Въ какомъ смыслѣ ты спрашиваешь, колика. Я не понимаю, спрашиваешь ли ты какъ бы о размѣрахъ ея широты, длины, толщены, или всего этого вмѣстѣ; или желаешь знать, какою она обладаетъ силою. Мы имѣемъ, на примѣръ, обыкновеніе спрашивать, колѣкъ былъ Геркулесъ, т. е. сколько футовъ достигалъ его ростъ; равно и колѣкъ онъ мужъ, т. е. какъ велика была его сила и доблесть. Е. Я желаю знать о душѣ и то и другое. А. Но первое не можетъ быть говоримо и даже мыслимо о душѣ. Ибо о душѣ никакимъ образомъ нельзя предполагать, чтобы она была или длинна, или широка, или какъ бы массивна: все это тѣлесное, и душу въ этомъ родѣ представляемъ мы по привычкѣ къ тѣламъ. Поэтому и въ таинствахъ благоразумно повелѣвается, чтобы презрѣлъ все тѣлесное и отрекся отъ этого міра который, какъ мы видимъ, есть міръ тѣлесный) тотъ, кто желаетъ явиться такимъ, каковымъ онъ сотворенъ отъ Бога, т. е. подобнымъ Богу, такъ какъ для души нѣтъ другого спасенія, другого обновленія, другого примиренія съ

творцемъ ея. Поэтому сколько велика душа,—если изслѣдывать ее въ означенномъ направленіи,—я сказать тебѣ не могу; но могу утверждать, что она не длинна, не широка, не массивна, и не имѣетъ ничего, что обыкновенно отыскивается при измѣреніи тѣлъ. Почему я такъ думаю, я готовъ представить тебѣ, если угодно, и основаніе. Е. Мнѣ это угодно, и я сильно этого желаю: потому что мнѣ кажется, что душа есть какъ бы ничто, если въ ней нѣтъ ничего изъ сказаннаго. А. Но можетъ быть прежде я покажу тебѣ, что есть много вещей, о которыхъ ты не можешь сказать, что онѣ ничто, и въ которыхъ однакоже не можешь найти тѣхъ измѣреній, какихъ ищешь въ душѣ; такъ что ты увидишь изъ этого, что душа не только не есть ничто въ силу того, что въ ней не находишь ни долготы, ни другаго тому подобнаго, но еще тѣмъ цѣннѣе и тѣмъ почетнѣе, что ничего этого не имѣетъ. А потомъ мы рассмотримъ, дѣйствительно ли она ничего этого не имѣетъ. Е. Употребляй какой хочешь порядокъ и способъ; я готовъ слушать и учиться.

ГЛАВА IV.

*Душа есть ничто, хотя она ни длинна, ни широка.
Что такое высота. Что такое вѣтеръ.*

А. Прекрасно дѣлаешь. Но я хотѣлъ бы, чтобы ты отвѣчалъ мнѣ на мои вопросы; вѣдь можетъ случиться, что ты уже знаешь то, чему я усиливаюсь научить тебя. Полагаю, что ты не сомнѣваешься, что это дерево не есть рѣшительно ничто? Е. Кто сталъ бы въ этомъ сомнѣваться? А. Ну, а сомнѣваешься ли ты, что справедливость гораздо лучше дерева? Е. Это было бы поистинѣ смѣшно: какъ будто можетъ быть здѣсь какое сравненіе. А. Ты искренно ведешь со мною дѣло. Но обрати теперь вниманіе на слѣ-

дующее. Если ты согласишься, что дерево настолько хуже справедливости, что по твоему мнѣнію не можетъ быть и сравненія для него, а между тѣмъ ты призналъ, что это дерево не есть ничто; то полагаешь ли ты, что мы сочтемъ за ничто эту справедливость? Е. Какой безумецъ счелъ бы ее такою? А. Совершенно справедливо. Но можетъ быть это дерево потому кажется тебѣ чѣмъ-то, что оно по своему длинно, широко и массивно, такъ что если бы отнять у него это, оно стало бы ничѣмъ. Е. Кажется такъ. А. Такъ стало быть справедливость, о которой ты сказалъ, что она не есть ничто, что она есть даже нѣчто далеко болѣе божественное и болѣе превосходное, чѣмъ дерево, кажется тебѣ длиною? Е. Мнѣ никакъ не можетъ прійти на мысль, чтобы справедливость была длинна, или широка, или что либо другое въ томъ же родѣ. А. Но если справедливость не есть что либо въ этомъ родѣ, и однакоже не есть ничто: то почему же тебѣ кажется ничѣмъ душа, если она не имѣетъ какой либо длины? Е. Представляй уже, что мнѣ не кажется, что душа потому ничто, что не длинна, не широка, и не массивна; но ты знаешь самъ, что еще ничѣмъ не доказалъ, что это дѣйствительно такъ. Весьма возможно, что многое не имѣющее этого, должно быть признаваемо за великое; но изъ этого по моему мнѣнію не слѣдуетъ, что я долженъ считать душу принадлежащею къ тому же роду.

А. Знаю, что мнѣ остается объяснить это и что на этомъ я общалъ по порядку остановиться; но такъ какъ предметъ этотъ весьма тонкій и требуетъ совершенно другихъ воззрѣній, чѣмъ какія люди привыкли имѣть въ дѣлахъ обыденной жизни: то я прошу тебя не тяготиться идти тѣмъ путемъ, какияъ считаю нужнымъ вести тебя, не утомляться нѣкоторою необходимою околичностію и не досадовать, что придешь нѣсколько позже къ тому, чего желаешь. Прежде всего спрошу тебя, полагаешь ли ты, что есть ка-

кое нибудь тѣло, которое не имѣло бы соотвѣтственно своему виду нѣкоторой длины, ширины и высоты? Е. Я не понимаю, что ты называешь высотой. А. Я называю высотой измѣреніе, которымъ опредѣляется внутреннее содержаніе тѣла, мыслимое или ощущаемое, если тѣло прозрачно, какъ стекло; ибо если ты отнимешь это у тѣлъ, то они,—по крайней мѣрѣ таково мое мнѣніе,—не могутъ быть ни ощущаемы, ни вообще правильно признаваемы за тѣла. Итакъ скажи, что ты думаешь по этому предмету. Е. Я нисколько не сомнѣваюсь, что всѣ тѣла не могутъ не имѣть этого. А. Ну, а думаешь ли ты, что эти три существуютъ только въ тѣлахъ? Е. Не понимаю, какъ могли бы они существовать въ чемъ либо другомъ. А. Стало быть ты думаешь, что душа есть ни что иное, какъ тѣло? Е. Если мы и вѣтеръ признаемъ за тѣло, то я не могу отрицать, что по моему мнѣнію и душа есть тѣло: потому что я представляю ее себѣ чѣмъ-то въ этомъ родѣ. А. Я согласенъ пожалуй, что вѣтеръ есть тѣло въ томъ смыслѣ, въ какомъ волна, если бы ты спросилъ о ней. Ибо мы чувствуемъ, что вѣтеръ есть ничто иное, какъ этотъ воздухъ, всколышенный и приведенный въ движеніе; въ мѣстѣ особо покойномъ и защищенномъ отъ всякихъ вѣтровъ это можно доказать маленькимъ опахаломъ, которымъ мы, даже прогоняя мухъ, приводимъ воздухъ въ колебаніе, и чувствуемъ дуновеніе. Когда же это происходитъ въ силу болѣе тайнаго движенія тѣлъ небесныхъ или земныхъ на большомъ пространствѣ міра, то называется вѣтромъ, который носитъ различныя имена по различнымъ странамъ неба. Или тебѣ это кажется иначе? Е. Мнѣ ничего не кажется, и то, что ты говоришь, я нахожу вѣроятнымъ; но я сказалъ, что душа есть не самый вѣтеръ, а нѣчто въ такомъ родѣ. А. Ты скажи мнѣ прежде, думаешь ли ты, что самый-то вѣтеръ, о которомъ ты упомянулъ, имѣетъ какую либо длину, ширину и вы-

соту? За тѣмъ мы посмотримъ, есть ли нѣчто въ томъ же родѣ душа, чтобы мы могли такимъ же образомъ изслѣдывать и ея величину. Е. Что можно найти большее подлинѣ, ширинѣ и высотѣ, чѣмъ этотъ воздухъ, который, какъ ты меня убѣдилъ теперь, если приведенъ въ движеніе, дѣлается вѣтромъ?

ГЛАВА V.

Сила души безпредѣльна.

А. Ты прекрасно говоришь; но не полагаешь ли ты, что душа твоя существуетъ только въ твоемъ тѣлѣ? Е. Я думаю такъ. А. Но какъ ты думаешь, существуетъ ли она только внутри, наполняя тѣло, какъ мѣхъ, или только снаружи, въ видѣ покрывала, или и снаружи и внутри? Е. Думаю такъ, какъ ты сказалъ въ заключеніе. Ибо если бы она не была внутри, не было бы ничего жизненнаго въ нашихъ внутренностяхъ; а если бы ея не было и снаружи, ты не могъ бы чувствовать и легкаго укола на кожѣ. А. Такъ ачѣмъ же тебѣ болѣе спрашивать, колика душа, если видишь, что она такова, какою дозволяетъ ей быть самый объемъ тѣла? Е. Если этому учить разумъ, я больше ни о чемъ не спрашиваю. А. Ты прекрасно поступаешь, если не ищешь болѣе того, чему учить разумъ. Но кажется ли тебѣ это заключеніе очень твердымъ? Е. Кажется, какъ скоро я не нахожу другаго. Но въ своемъ мѣстѣ я предложу тебѣ весьма занимающій меня вопросъ: сохранить ли она эту фигуру, когда выйдетъ изъ тѣла; я помню, что поставилъ это въ концѣ подлежащихъ разсмотрѣнію вопросовъ. А такъ какъ къ количеству же души, по моему мнѣнію, относится и вопросъ о числѣ душъ: то думаю, что въ своемъ мѣстѣ не слѣдуетъ обойти и этого. А. Мысль умѣстная; но прежде потолкуемъ, если угодно, объ объемѣ ея, который меня еще

продолжаетъ занимать, чтобы я и самъ чему нибудь поучился, если ты уже удовлетворенъ. Е. Спрашивай о чемъ хочешь: потому что это притворное сомнѣніе твое заставляетъ меня самымъ дѣйствительнымъ образомъ сомнѣваться въ томъ, что я предполагалъ уже поконченнымъ.

А. Скажи мнѣ, пожалуйста, то, что называется памятью, не кажется ли тебѣ пустымъ именемъ? Е. Кому это можетъ казаться? А. Считаешь ли ты ее принадлежностію души, или тѣла? Е. И въ этомъ сомнѣваться смѣшно. Развѣ можно вѣрить или быть убѣжденнымъ, что бездушное тѣло что нибудь помнить? А. Помнишь ли ты однакоже городъ Медіолавъ? Е. Весьма помню. А. Такъ какъ мы о немъ теперь вспомнили, то ты припоминаешь, конечно, какъ онъ великъ и каковъ онъ? Е. Разумѣется, припоминаю, и при томъ какъ нельзя живѣе и вѣрнѣе. А. Стало быть, не видя его въ настоящее время глазами, ты видишь душою. Е. Совершенно такъ. А. Полагаю также, что ты помнишь, какимъ большимъ пространствомъ областей онъ въ настоящее время отдѣленъ отъ насъ? Е. Помню и это. А. Итакъ ты видишь душою и самое разстояніе мѣстъ. Е. Вижу. А. Но если душа твоя находится здѣсь же, гдѣ и тѣло, и не простирается далѣе объема его, какъ то доказано вышеприведеннымъ заключеніемъ: то какъ это дѣлается, что оно все то видитъ? Е. Полагаю, что это дѣлается посредствомъ памяти; потому что она не присутствуетъ въ тѣхъ мѣстахъ. А. Слѣдовательно въ памяти содержатся образы тѣхъ мѣстъ? Е. Думаю, что такъ: потому что я не знаю того, что въ настоящее время дѣлается тамъ; а я бы зналъ это, еслибы моя душа простиралась даже до тѣхъ мѣстъ и чувствовала, что тамъ происходитъ въ настоящее время. А. Ты, на мой взглядъ, говоришь истину; но дѣйствительно ли образы эти суть образы тѣлъ? Е. Необходимо такъ: потому что города и области суть не что иное, какъ тѣла.

А. А не смотрѣлъ ли ты когда нибудь въ маленькое зеркальце, или не видѣлъ ли когда нибудь своего лица въ зрачкѣ чужаго глаза? Е. Даже часто. А. Почему оно представляется тамъ гораздо меньшимъ, чѣмъ есть на дѣлѣ? Е. А ты развѣ хотѣлъ бы, чтобы оно представлялось въ другомъ размѣрѣ, чѣмъ какой имѣетъ зеркало? А. Слѣдовательно изображенія тѣлъ необходимо должны представляться малыми, если малы тѣла, въ которыхъ они представляются. Е. Совершенно необходимо. А. Но если душа также мала по объему, какъ и ея тѣло: то какимъ образомъ въ ней могутъ отпечатлѣваться такіе великіе образы, что она можетъ представлять въ своемъ воображеніи и города, и обширныя области и другія всякія громады? Я желать бы, чтобы ты нѣсколько внимательнѣе подумалъ надъ тѣмъ, сколько великаго и какъ много содержитъ въ себѣ наша память, которая въ свою очередь содержится въ душѣ. Какой слѣдовательно въ ней есть грунтъ, какое нѣдро, какая неизмѣримость, если она можетъ все это принять; между тѣмъ какъ вышеприведенное заключеніе по видимому доказываетъ, что она такова же по объему, какъ и тѣло? Е. Я не нахожу, что отвѣчать тебѣ, и не въ состояніи достаточно выразить, до какой степени меня это поколебало; согласившись такъ скоро съ вышеприведеннымъ заключеніемъ, я и самъ смѣюся надъ собою, что опредѣлилъ величину души мѣрою этого тѣла. А Такъ она уже не кажется тебѣ чѣмъ либо такимъ, каковъ вѣтеръ? Е. Никоимъ образомъ не кажется: потому что если и этотъ воздухъ, теченіе котораго, какъ полагаютъ съ вѣроятностію, производитъ вѣтеръ, можетъ наполнить весь этотъ міръ, то душа можетъ представить въ своемъ воображеніи такіе безчисленные и такіе великіе міры, что я не въ состояніи и подумать о томъ пространствѣ, которое могло бы содержать въ себѣ эти образы. А. Въ такомъ случаѣ подумай, не лучше ли полагать, что она, какъ я сказалъ выше,

ни длинна, ни широка, ни высока, подобно тому, какъ согласился ты со мною относительно справедливости. Е. Я охотно бы съ этимъ согласился, если бы меня не приводилъ въ замѣшательство вопросъ: какимъ же все таки образомъ она, не имѣя сама ни долготы, ни широты, ни высоты, можетъ принимать въ себя безчисленные образы такихъ большихъ объемовъ?

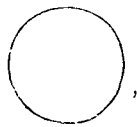
ГЛАВА VI.

Долгота чистая и простая.

А. Мы можетъ быть откроемъ это, насколько то доступно, если предварительно со вниманіемъ разберемъ отдѣльно эти три, т. е. долготу, широту и высоту. Итакъ постарайся представить мысленно такую долготу, которая еще не приняла никакой широты. Е. Ничего подобнаго я не могу представить себѣ. Если я нарисую въ умѣ своемъ нить паутины, тоньше которой мы обыкновенно ничего не видимъ, я встрѣчу и въ ней своего рода долготу, и широту, и высоту; какъ бы онѣ малы ни были, существованія ихъ я однакоже отрицать не могу. А. Твой отвѣтъ довольно не дуренъ; но когда ты усматриваешь въ нити паутины эти три измѣренія, ты вѣдь различаешь ихъ, и знаешь, чѣмъ они разнятся между собою? Е. Какъ не знать, что они разнятся? Въ противномъ случаѣ разнѣ могъ бы я видѣть, что они есть въ этой нити? А. Въ такомъ случаѣ тѣмъ же умомъ, какимъ ты ихъ различилъ, ты можешь, и отдѣливъ ихъ между собою, представить и одну долготу, но только не представляя себѣ никакого тѣла: потому что каково бы тѣло ни было, оно будетъ имѣть ихъ все. То, представленіе чего я желаю въ настоящемъ случаѣ вызвать въ тебѣ, безтѣлесно: потому что одна долгота можетъ быть представлена только умомъ, но въ тѣлѣ найдена быть не можетъ. Е. Теперь я понимаю. А. Итакъ, еслибы ты захотѣлъ эту долготу раз-

сѣчь мысленно продольно, ты нашелъ бы, что это вовсе не возможно: потому что въ противномъ случаѣ она имѣла бы и широту. Е. Это ясно. А. Въ такомъ случаѣ эту чистую и простую долготу мы назовемъ, если угодно, линією: этимъ именемъ ее называютъ обыкновенно ученые. Е. Называй какъ хочешь. Я не забочусь о названіяхъ, какъ скоро предметъ ясенъ.

А. И прекрасно дѣлаешь; я не только одобряю, но и убѣждаю, чтобы ты всегда заботился болѣе о вещахъ, чѣмъ о словахъ. Такъ если эту линію, которую ты, полагаю я, уже хорошо себѣ представляешь, протягивать въ одну или обѣ стороны, насколько можно протянуть ее въ длину,—ты увидишь, что у ней нѣтъ конца. Или твоя мысль не въ состояніи дойти до такого представленія? Е. Представляю вполне и какъ нельзя легче. А. Въ такомъ случаѣ ты видишь также, что не можетъ быть никакой фигуры, если не дѣлать ничего, какъ только протягивать линію. Е. Что ты называешь фигурою, я пока не понимаю. А. Фигурою въ данномъ случаѣ я называю то, когда извѣстное пространство бываетъ заключено въ линіи или въ линіяхъ, какъ, на примѣръ, если ты дѣлаешь кругъ

или соединяешь взаимно концами четыре линіи

такъ что ни одинъ конецъ какой либо изъ нихъ не остается не соединеннымъ съ концемъ другой. Е. То, что ты называешь фигурою, я какъ будто уже вижу передъ собою; но еслибы я также точно видѣлъ, къ чему это клонится, или что ты намѣренъ изъ этого сдѣлать, чтобы дать мнѣ искомое знаніе о душѣ.

ГЛАВА VII.

Путь къ воспріятію истины посредствомъ авторитета гораздо короче и безопаснѣе для большинства, чѣмъ путь посредствомъ разума.

А. Я съ самаго начала предупреждалъ тебя объ этомъ, и просилъ терпѣливо отнестись къ нѣкоторой околичности въ нашей рѣчи. Прошу и теперь о томъ же. Предметъ изслѣдывается не малосажный и не легкій для познанія; а мы желаемъ узнать его и оградить имъ исполнѣ. Въдѣ иное дѣло, когда мы вѣримъ авторитету, и иное—когда разуму. Вѣра въ авторитетъ весьма сокращаетъ дѣло и не требуетъ никакого труда. Если она тебѣ нравится, ты можешь прочесть много такого, что объ этихъ предметахъ написали, какъ бы изъ снисхожденія, великіе и божественные мужи, находя это необходимымъ для пользы простѣйшихъ, и въ чемъ они требовали вѣры къ себѣ со стороны тѣхъ, для чьихъ душъ, болѣе тупоумныхъ или болѣе занятыхъ житейскими дѣлами, другаго средства къ спасенію быть не могло. Такіе люди, которыхъ всегда громаднѣйшее большинство, если желаютъ постигать истину разумомъ, весьма легко одурачиваются подобіемъ разумныхъ выводовъ и впадаютъ въ такой смутный и вредный образъ мыслей, что отрезвиться и освободиться отъ него не могутъ никогда, или могутъ только самымъ бѣдственнымъ для нихъ путемъ. Такимъ полезнѣе всего вѣрить превосходнѣйшему авторитету и соотвѣтственно ему вести жизнь. Если ты считаешь это безопаснѣе, я не только не возражаю противъ этого, а даже весьма одобряю. Но если ты не можешь обуздать въ себѣ того страстнаго желанія, подъ влияніемъ котораго рѣшился дойти до истины путемъ разума, ты долженъ терпѣливо выносить многіе и длинные околичные пути, чтобы велъ тебя тотъ разумъ, который одинъ только долженъ быть называемъ

разумомъ, т. е. разумъ истинный, и не только истинный, но и точный, п чуждый всякаго подобія ложности (если только возможно для человѣка какимъ либо образомъ достигнуть этого), такъ чтобы тебя не могли отвлечь отъ него никакія разсужденія ложныя или истинноподобныя. Е. Я уже не захочу торопиться. Пусть дѣлаетъ свое дѣло разумъ и ведетъ какъ хочетъ, лишь бы только привелъ.

ГЛАВА VIII.

О математическихъ фигурахъ. Изъ сколькихъ линій образуется фигура. Какимъ образомъ фигура можетъ образоваться изъ трехъ линій.

А. Это устроить Богъ, которому слѣдуетъ молиться или о такихъ только вещахъ, или объ нихъ-то по преимуществу. Но возвратимся къ начатому дѣлу. Тебѣ уже извѣстно, что такое линія, и что такое фигура Поэтому я попрошу тебя отвѣтить мнѣ на такой вопросъ, именно: думаешь ли ты, что можетъ образоваться какая либо фигура, если продолжать линію съ той или съ другой стороны до безконечности? Е. Полагаю, что это никоимъ образомъ не возможно. А. Что же дѣлать въ такомъ случаѣ, чтобы мы могли образовать фигуру? Е. Ничего, какъ только то, чтобы линія не была безконечною, а была проведена кругомъ, чтобы коснулась себя другою стороною. Иначе я не вижу, какимъ образомъ въ одну линію заключить какое нибудь пространство; а если этого не сдѣлается, то по твоему описанію не будетъ и фигуры. А. Ну, а еслибы я захотѣлъ образовать фигуру изъ прямыхъ линій: можно ли образовать ее изъ одной линіи, или нельзя? Е. Никакъ нельзя. А. А изъ двухъ? Е. И изъ двухъ также. А. А изъ трехъ? Е. Думаю, что можно. А. Ты слѣдовательно прекрасно понялъ и усвоилъ, что если нужно образовать фигуру изъ прямыхъ линій, то менѣе, чѣмъ изъ трехъ линій, образовать ее нельзя. Но если

бы тебѣ представился противоположный этому доводъ. за-
ставилъ ли бы онъ тебя отказаться отъ этого мнѣнія? Е.
Если бы кто доказалъ мнѣ, что это ложно, въ такомъ слу-
чаѣ не останется рѣшительно ничего, о чемъ я могъ
бы сказать, что знаю это. А Теперь отвѣтъ мнѣ вотъ
на что: какимъ бы образомъ ты сдѣлалъ фигуру изъ трехъ линій? Е. Соединивъ ихъ концами .
А. А не кажется ли тебѣ, что тамъ, гдѣ онѣ соединяются,
образуется уголъ? Е. Это такъ. А. Изъ сколькихъ же уг-
ловъ состоитъ эта фигура? Е. Изъ столькихъ же, сколько
линій. А. Ну, а самыя линіи ты проведъ равныя или не
равныя? Е. Равныя. А. А углы все ли одинаковы, или
одинъ сжатѣе, а другой открытѣе? Е. И ихъ я считаю также
равными. А. А могутъ ли въ фигурѣ, которая и образована
изъ трехъ равныхъ прямыхъ линій, углы быть не равными;
или не могутъ? Е. Никакъ не могутъ. А. Ну, а если фи-
гура состоитъ изъ трехъ прямыхъ, но не равныхъ между
собою линій,—могутъ ли и въ ней углы быть равными; или
ты иначе объ этомъ думаешь? Е. Рѣшительно не могутъ А.
Ты говоришь истинно. Но скажи пожалуйста, какая фигура
тебѣ кажется лучше и красивѣе: та ли, которая состоитъ
изъ равныхъ, или та, что изъ неравныхъ линій? Е. Кто
усумнится, что лучше та, въ которой господствуетъ ра-
венство?

ГЛАВА IX.

*Какая фигура превосходитъ. Что противолежитъ
углу въ треугольникѣ.*

А. Итакъ ты предпочитаешь равенство неравенству? Е.
Не знаю, кто бы не предпочелъ? А. Теперь обрати внима-
ніе, что въ этой фигурѣ, которой придаютъ совершенство
три равные угла, противоположно углу, т. е. лежитъ съ
противоположной стороны,—линія или уголъ? Е. Я вижу ли-

нію. А. Ну, а еслибы углу противоположенъ былъ уголъ, и линіи линія; не нашелъ ли бы ты въ такой фигурѣ, въ которой это представилось бы, еще бóльшаго равенства? Е. Съ этимъ я согласенъ; но какъ это можетъ выйти при трехъ линіяхъ, рѣшительно не понимаю. А. А при четырехъ линіяхъ это можетъ случиться? Е. Вполнѣ можетъ. А. Стало быть фигура, состоящая изъ четырехъ прямыхъ линій лучше, чѣмъ изъ трехъ? Е. Думаю, что такъ, если въ ней господствуетъ равенство . А. Ну, а думаешь ли ты, что фигура, состоящая изъ четырехъ прямыхъ равныхъ линій, можетъ образоваться и такъ, что въ ней не все углы будутъ между собою равны; или не думаешь? Е. Думаю, что можетъ. А. Какимъ образомъ? Е. Если два угла будутъ болѣе сжаты, а два болѣе открыты .

А. Но замѣчаешь ли, что и два болѣе сжатые, и два болѣе открытые угла взаимно противоположны другъ другу? Е. Совершенно вѣрно и ясно. А. Слѣдовательно ты видишь издѣсь равенство, насколько могло сохраниться, сохраненнымъ; ибо видишь, что какъ скоро фигура образуется изъ четырехъ равныхъ линій, то уже никакъ не можетъ быть, чтобы не были равными между собою или все, или два и два угла; и при томъ тѣ, которые равны, взаимно противоположны другъ другу. Е. Вижу и весьма твердо убѣжденъ въ этомъ.

А. А не поражаетъ ли тебя такая и столь постоянная справедливость своего рода даже въ этихъ вещахъ? Е. Какимъ это образомъ? А. Да вѣдь, я полагаю, справедливостію мы называемъ ничто иное, какъ равномѣрность; а равномѣрность очевидно получила названіе отъ извѣстнаго равенства. Но что въ этой добродѣтели составляетъ равномѣрность, какъ не то, чтобы каждому отдавать свое? Отдавать же каждому свое нельзя безъ нѣкотораго различенія. Или ты иначе думаешь? Е. Это совершенно ясно, и я вполнѣ съ этимъ со-

гласенъ. А. Ну, а есть ли, по твоему мнѣнію, какое нибудь различіе, если все между собою равно и ничѣмъ рѣшительно взаимно не отличается? Е. Вовсе нѣтъ. А. Итакъ справедливость сохраняется только въ такомъ случаѣ, если въ вещахъ, въ которыхъ она сохраняется, существуетъ нѣкоторое, такъ сказать, неравенство и несходство. Е. Понимаю. А. Слѣдовательно, если мы признаемъ, что эти фигуры, о которыхъ говоримъ, несходны между собою, именно одна состоитъ изъ трехъ, а другая изъ четырехъ угловъ, хотя обѣ образуются изъ равныхъ линій,—не находишь ли ты, что удержана своего рода справедливость тѣмъ, что первая, которая не можетъ имѣть равенства противоположащихъ частей, сохраняетъ неизмѣнно равенство угловъ; а въ послѣдней, въ которой существуетъ такая соразмѣрность противоположащихъ сторонъ, этотъ законъ угловъ допускаетъ нѣкоторое неравенство? Пораженный этимъ, я и нашелъ нужнымъ спросить тебя, насколько тебя привлекла къ себѣ эта истина, эта равномѣрность, это равенство. Е. Теперь я понимаю, о чемъ ты говоришь, и не мало тому удивляюсь. А. А теперь, такъ какъ ты справедливо предпочитаешь равенство неравенству, и такъ какъ, полагаю я, тогоже мнѣнія и всякій, кто только одаренъ человѣческимъ смысломъ, то поищемъ, если угодно, такой фигуры, въ которой могло бы оказаться высшее равенство. Оказавшаяся такою безъ всякаго сомнѣнія будетъ предпочтена остальнымъ. Е. Конечно, угодно; и какая это фигура я очень желаю знать.

ГЛАВА X.

Высшее равенство въ фигурахъ.

А. Но прежде отвѣтъ мнѣ на вопросъ: Кажется ли тебѣ, что изъ тѣхъ фигуръ, о которыхъ мы повидимому уже достаточно говорили, превосходиѣе та, которая состоитъ изъ четырехъ равныхъ ли-

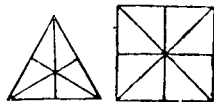

ній и изъ столькихъ же равныхъ угловъ :

потому что въ ней, какъ видишь, есть и равенство линій, и равенство угловъ; и существуетъ равенство противолежащихъ частей: потому что, какъ видишь, линія лежитъ противъ линіи и уголь противъ угла; чего въ той фигурѣ, которая очерчивается тремя равными линіями

мы не находили. Е. Это такъ, какъ ты говоришь. А. Имѣеть ли она высшее равенство; или это иначе тебѣ кажется? Ибо если она имѣеть его, то мы напрасно задумали искать другую; а если не имѣеть, то я желалъ бы, чтобы ты доказалъ мнѣ это. Е. На мой взглядъ имѣеть: потому что тамъ, гдѣ и углы равны и линіи равны, я не нахожу возможности отыскать неравенства. А. Я же думаю иначе. Прямая линія, пока идетъ къ угламъ, имѣеть высшее равенство; но какъ скоро съ нею соединяется съ противоположной стороны другая линія и дѣлаетъ уголь, то не считаешь ли ты этого самаго неравенствомъ? Или ты находишь, что та часть фигуры, которая ограничивается линіею, отвѣчаетъ по равенству и сходству той, которая заканчивается угломъ? Е. Нѣтъ, не кажется; и я стыжусь своей необдуманности. Я увлекся тѣмъ, что видѣлъ въ ней и углы и стороны между собою равными; но кто не увидѣлъ бы, какъ велико различіе этихъ сторонъ отъ угловъ? А. Обрати вниманіе и на другое яснѣйшее доказательство неравенства. Ты видишь безъ сомнѣнія, что какъ въ этой треугольной, состоящей изъ равныхъ линій, фигурѣ, такъ и въ той квадратной есть нѣкоторая середина. Е. Вижу ясно. А. Теперь, если бы изъ этой самой середины мы провели линіи ко всѣмъ частямъ фигуры, нашелъ ли бы ты эти линіи равными или неравными? Е. Онѣ рѣшительно неравны: потому что тѣ непременно будутъ болѣе длинными, которыя мы проведемъ въ углы

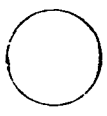
А. А сколько такихъ въ квадратной фигурѣ и сколько въ треугольной? Е. Четыре въ первой и три во второй. А. А

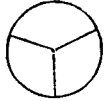
какія изъ нихъ меньшія, и сколько такихъ въ той и другой фигурѣ? Е. Ихъ тоже число, и онѣ тѣ, которыя идутъ на средину сторонъ. А Ты говоришь, по моему мнѣнію, совершенно вѣрно, и надъ этимъ нѣтъ нужды далѣе оставаться. Для нашей цѣли достаточно этого: потому что ты, по моему мнѣнію, видишь, что хотя здѣсь сохраняется и великое равенство, но еще не во всѣхъ отношеніяхъ совершенное. Е. Вижу несомнѣнно, и сильно желаю знать, что это за фигура, которая имѣетъ высшее равенство.

ГЛАВА XI.

Превосходство фигуръ. Что такое знакъ. Что такое точка.

А. А какая, полагаешь ты, какъ не та, которой и окраина отовсюду однообразна, безъ помѣхи равенству со стороны какого либо угла, и отъ средины которой ко всѣмъ частямъ окраины могутъ быть проведены равныя линіи? Е. Думаю, что я уже понимаю. Мнѣ кажется, что ты разумѣешь фигуру, очерченную круговою линіею . А. Ты понялъ вѣрно. Теперь обрати вниманіе на слѣдующее. Изъ предшествующаго разсужденія мы узнали, что подлиніею разумѣется одна долгота и ей не придается никакой широты; и отъ того по длинѣ своей она не можетъ быть дѣлима. Полагаешь ли ты, что можно представить какую либо фигуру безъ широты? Е. Рѣшительно нѣтъ. А. Ну, а сама широта можетъ ли не имѣть долготы, такъ какъ бы существовала одна широта подобно тому, какъ мы выше говорили о долготѣ безъ широты; или не можетъ? Е. По моему мнѣнію, не можетъ. А. Если не ошибаюсь, ты понимаешь также, что широта можетъ быть дѣлима съ каждой стороны, тогда какъ линія продольно не можетъ. Е. Это ясно. А. Что же, по твоему мнѣнію, слѣдуетъ ставить выше,

то ли, что можетъ быть дѣлимо, или то, что не можетъ? Е. Разумѣется, то, что не можетъ. А. Слѣдовательно ты предпочитаешь линію широтѣ? Вѣдь если нужно предпочитать то, что не можетъ быть дѣлимо, то мы должны непременно предпочитать и то, что менѣе дѣлимо. Широта же дѣлима со всѣхъ сторонъ, а долгота только поперекъ, такъ какъ дѣленія продольнаго не допускаетъ; поэтому она превосходитъ широты. Или ты иначе полагаешь? Е. Разумѣрѣшительно принуждаетъ согласиться съ тѣмъ, что ты говоришь.

А. Теперь, если угодно, поищемъ чего либо въ такомъ родѣ, что рѣшительно не можетъ быть дѣлимо. Вѣдь такое будетъ превосходнѣе даже самой линіи: потому что линія, какъ ты видишь, можетъ быть разсѣчена на безчисленное множество частей. Впрочемъ, я предоставляю найти это тебѣ самому. Е. По моему мнѣнію, не можетъ быть дѣлимо то, что мы назвали въ фигурѣ серединою, изъ которой проводятся линіи къ окраинамъ . Если бы она была дѣлима, то не могла бы не имѣть долготы, или и широты. Имѣй она одну долготу, изъ ней уже не будутъ проводимы линіи; а она сама будетъ линіею. Если же она будетъ имѣть широту, то потребуетъ другой середины, изъ которой къ окраинамъ широты проведутся линіи. И то и другое отвергается разумомъ. Слѣдовательно она есть то, что не можетъ быть дѣлимо. А. Ты вѣрно судишь. Но не представляется ли тебѣ чѣмъ либо такимъ и то, откуда начинается линія, хотя бы фигуры, о срединѣ которой мы говоримъ, еще и не было? Я разумѣю то начало линіи, откуда начинается долгота, которую ты долженъ представлять безъ всякой долготы. Потому что какъ скоро ты представляешь долготу, то уже никоимъ образомъ не представляешь того, откуда сама долгота начинается. Е. Представляется такимъ вполне. А. Итакъ вотъ это, что ты, по мо-

ему мѣнїю, уже понялъ, есть самое могущественное изъ всего, о чемъ мы говорили. Оно есть то, что недопускаетъ никакого дѣленія, и называется точкою (*punctum*), если находится въ срединѣ фигуры; а если представляетъ собою начало линїи или линїй, или даже конецъ ихъ, или вообще обозначаетъ нѣчто такое, что слѣдуетъ представлять не имѣющимъ частей, и въ тоже время не занимаетъ срединъ фигуры, — называется знакомъ (*signum*). Слѣдовательно знакъ есть мѣтка безъ отношенія къ чему либо; а точка есть мѣтка, указывающая средину фигуры. Мы желательно условиться относительно этихъ названій, чтобы не входить въ оговорки при разсужденіи. Очень многие, впрочемъ, называютъ точкою средину не всякой фигуры, а только круга или шара; но мы о названіяхъ много заботиться не имѣемъ нужды. Е. Согласенъ.

ГЛАВА XII.

Могущество точки.

А. Въ самомъ дѣлѣ, посмотри, какую имѣетъ она силу. Ею начинается линія, ею же оканчивается; мы видѣли, что изъ прямыхъ линїй не можетъ образоваться никакой фигуры, если ея не завершится уголъ. За тѣмъ, если линія можетъ быть разсѣчена въ какомъ либо мѣстѣ, она разсѣкается ею; и соединяется всякая линія съ линією только посредствомъ нея. Наконецъ, разумъ показалъ, что изъ всѣхъ плоскихъ фигуръ (ибо о высотѣ мы еще не говорили ничего) слѣдуетъ предпочитать ту, которая очерчивается круговою линією, по причинѣ ея высшаго равенства; а это самое равенство устанавливается не инымъ чѣмъ, какъ лежащею въ срединѣ ея точкою. Можно было бы много говорить о ея могуществѣ, но я буду умѣренъ, и предоставляю остальное обдумать тебѣ самому. Е. Пусть будетъ и такъ: я не буду

скучать надъ изслѣдованіемъ и болѣе темныхъ вещей; а теперь, по моему мнѣнію, я достаточно вижу великую силу этого знака.

А. Теперь обрати вниманіе на слѣдующее Ты узналъ, что такое знакъ, что такое долгота и что такое широта. Что изъ этихъ трехъ, по твоему мнѣнію, нуждается въ другомъ, и въ чемъ именно, и нуждается такъ, что безъ него не можетъ существовать. Е. По моему мнѣнію, широта нуждается въ долготѣ, безъ которой ее вовсе нельзя представить. Затѣмъ я нахожу, что долгота хотя и не нуждается для своего существованія въ широтѣ, но безъ упомянутаго знака (точки) быть не можетъ. Знакъ же, очевидно, существуетъ самъ по себѣ и ни въ чемъ другомъ не нуждается. А. Это такъ. Но размотри внимательнѣе, дѣйствительно ли широта можетъ быть разсѣкаема со всѣхъ сторонъ, или есть сторона, съ которой и она не допускаетъ сѣченія, хотя допускаетъ его болѣе, чѣмъ линія. Е. Рѣшительно не повиная, откуда бы она не могла. А. Думаю, что ты забылъ, потому что не знать этого ты никакъ не могъ. Я наведу тебя на мысль такъ. Въдъ ты, конечно, представляешь себѣ широту не придавая ей мысленно никакой высоты? Е. Такъ точно. А. Слѣдовательно къ широтѣ можетъ присоединиться еще высота; а теперь скажи, можетъ ли присоединиться еще что нибудь, чтобы могло еще болѣе быть разсѣкаемо со всѣхъ сторонъ. Е. Ты замѣчательно навелъ меня на мысль. Теперь я вижу, что высота можетъ принимать сѣченіе не только сверху или снизу, но и съ боковъ, и нѣтъ вообще никакого направленія, по которому она не могла бы быть дѣлима. Отсюда видно, что и широта не можетъ принимать сѣченія съ тѣхъ сторонъ, съ которыхъ встаетъ высота.

А. Такъ какъ ты, если не ошибаюсь, уяснилъ себѣ и долготу, и широту, и высоту. то скажи, можетъ ли не быть двухъ первыхъ тамъ, гдѣ есть высота? Е. Безъ долготы, на

мой взглядъ, высота быть не можетъ; но безъ широты можетъ. А. Въ такомъ случаѣ возвратись къ представленію широты, а если ты представлялъ ее въ своемъ воображеніи какъ бы лежащею, то пусть она поднимется на какую нибудь сторону такъ, какъ бы ты хотѣлъ провести ее чрезъ эту узенькую разщелину, которая замѣчается между створенными дверями. Понимаешь, что я хочу сказать? Е. Что ты говоришь, то я понимаю; но что ты хочешь сказать, того быть можетъ еще не понимаю. А. Я хочу, чтобы ты сказалъ мнѣ, кажется ли тебѣ, что поднятая такъ широта перешла въ высоту и потеряла уже названіе и свойство широты; или остается еще широтою, хотя приведена и въ такое положеніе? Е. На мой взглядъ она сдѣлалась высотой. А. Помнишь ли ты, скажи мнѣ на милость, какъ мы опредѣлили высоту? Е. Припоминаю хорошо, и стыжусь уже, что отвѣтилъ такъ. Широта, и такъ какъ бы поднятая, не допускаетъ сѣченія продольнаго сверху внизъ: ничего внутри содержащагося въ ней представлять нельзя, хотя и можно представлять средину и окраины. По опредѣленію же высоты, которое ты, какъ я припомнилъ, сдѣлалъ выше, тамъ рѣшительно нѣтъ высоты, гдѣ нельзя представить ничего внутри. А. Ты говоришь вѣрно, и я желалъ, чтобы ты вспомнилъ именно это. Поэтому теперь скажи мнѣ, предпочитаешь ли ты истинное ложному? Е. Сомнѣваться въ этомъ—невѣроятное безуміе. А. Въ такомъ случаѣ скажи мнѣ на милость, будетъ ли истинною линіею та, которая можетъ быть разсѣчена продольно; или истиннымъ знакомъ (*точкою*) тотъ, который можетъ быть разсѣченъ какимъ бы то ни было образомъ; или истинною широтою такая, которая, если ее поднять въ такомъ видѣ, какъ мы сказали, допускала бы продольное сѣченіе сверху внизъ? Е. Рѣшительно нѣтъ.

ГЛАВА XIII.

Безтѣлесная душа созерцаетъ безтѣлесное. Что такое душа.

А. Видѣлъ ли ты когда нибудь этими тѣлесными глазами такую точку, или такую линію, или такую широту? Е. Рѣшительно никогда: потому что онѣ не тѣлесныя. А. Въ такомъ случаѣ если тѣлесное, въ нѣкоторомъ удивительномъ актѣ познанія вещей, созерцается тѣлесными очами, то душа, которою мы усматриваемъ это безтѣлесное, по необходимости не должна быть тѣлесною или тѣломъ. Или ты иначе полагаешь? Е. Пусть такъ, я согласенъ, что душа не есть тѣло или что нибудь тѣлесное; но скажи же мнѣ наконецъ, что она такое? А. Да ты въ данномъ случаѣ обрати вниманіе на то, вытекаетъ ли изъ сказаннаго слѣдствіе, что душа вовсе не имѣетъ той величины, о которой у насъ теперь рѣчь; къ удивленію моему, ты забылъ, что вопросъ о томъ, что такое душа, былъ уже разобранъ нами. Вѣдь ты помнишь, что ты сперва спрашивалъ, откуда она; на этотъ вопросъ я, помню, отвѣчалъ двояко: сперва такъ, какъ бы дѣло шло о родинѣ ея; а потомъ такъ, какъ бы она была изъ земли, или изъ огня, или изъ другой какой либо изъ этихъ стихій, или изъ всѣхъ, или изъ нѣсколькихъ изъ нихъ. При этомъ намъ уяснилось, что объ этомъ также не слѣдуетъ спрашивать, какъ и о томъ, откуда земля или кабая либо изъ остальныхъ стихій, отдѣльно взятыхъ. Ибо хотя Богъ и сотворилъ душу, но ее слѣдуетъ представлять такъ, что она не есть ни изъ земли, ни изъ огня, ни изъ воздуха, ни изъ воды; а имѣетъ свою особую субстанцію; развѣ только предположить, что Богъ, давшій землѣ, чтобы она не была ничѣмъ другимъ, какъ только землею, не далъ душѣ того, чтобы она не была ничѣмъ дру-

гимъ, какъ только душою. Если же ты хочешь, чтобы я опредѣлилъ тебѣ душу, и поэтому спрашиваешь, что такое душа: то я легко отвѣчу тебѣ. Душа, по моему мнѣнію, есть нѣкоторая субстанція, причастная разуму, приспособленная къ управленію тѣломъ.

ГЛАВА XIV.

Какую силу имѣетъ душа безтѣлесная.

Итакъ лучше обрати вниманіе на то, откуда возникаетъ сомнѣніе, не имѣетъ ли душа количества и, такъ сказать, пространственнаго объема. Какъ скоро душа не есть тѣло, — потому что иначе она не могла бы созерцать ничего безтѣлеснаго, — то безъ всякаго сомнѣнія она не имѣетъ и пространства, которымъ измѣряются тѣла; а поэтому не можетъ быть правильнымъ полагать, или мыслить, или представлять въ ней такое количество. Тебя приводитъ въ сомнѣніе то обстоятельство, какъ, не имѣя сама никакой величины, она содержитъ въ памяти такія пространства неба, земли и моря? Но она есть нѣкоторая удивительная сила, которую ты, насколько присущъ уму твоему свѣтъ, могъ замѣтить изъ того, что раскрыто нами. Какъ скоро разумъ показалъ, что нѣтъ такого тѣла, которое не имѣло бы длины, широты и высоты, и что ни одно изъ этихъ свойствъ не можетъ быть въ тѣлѣ безъ другихъ двухъ, а между тѣмъ относительно души мы признали, что нѣкоторымъ внутреннимъ окомъ, т. е. умомъ, она можетъ созерцать и одну линію: то я полагаю, что мы признали этимъ какъ то, что душа не есть тѣло, такъ и то, что она лучше тѣла. Признавъ это, мы, полагаю, не должны сомнѣваться, что она и лучше линіи. Ибо если все эти три находятся въ тѣлѣ, какъ скоро оно есть тѣло: то было бы смѣшно, если бы не была лучшею всѣхъ этихъ трехъ та, которая лучше тѣла. Но и сама линія, нацѣ которую превосходство души дока-

зывается несомнѣнно, потолику превосходитъ широту и высоту, поколику менѣ этихъ двухъ можетъ подвергаться сѣченію. Далѣе, эти двѣ потолику подвергаются большему сѣченію, чѣмъ линія, поколику болѣе ея распространяются въ пространствѣ; линія же не имѣетъ другаго протяженія, кромѣ долготы, по отнятіи которой не останется вовсе никакого пространства. Поэтому то, что лучше линіи, неизбѣжно не имѣетъ никакого протяженія, и вовсе не можетъ быть дѣлимо и разсѣкаемо. Слѣдовательно, мы напрасно, по моему мнѣнію, стараемся отыскать величину души, которой она не имѣетъ, какъ скоро мы согласились, что она лучше линіи. И если изъ всѣхъ плоскихъ фигуръ самая лучшая есть та, которая очерчивается круговою линіею, а въ этой фигурѣ, по ученію разума, нѣтъ ничего лучше и могущественнѣе точки, которая, въ чемъ не сомнѣвается никто, частей не имѣетъ: то что удивительнаго, если душа не есть тѣлесная, не протягивается въ длину, не распространяется въ широту, не нагромождается въ высоту; хотя тѣмъ не менѣе имѣетъ столько силы въ тѣлѣ, что отъ ней зависитъ управленіе всѣми членами и она представляетъ собою какъ бы средоточную точку для всѣхъ тѣлесныхъ движеній?

Но какъ середина глаза, которая называется зрачкомъ, есть не иное что, какъ извѣстная точка глаза, въ которой однакоже такая сила, что съ какого нибудь возвышеннаго мѣста можетъ видѣть и охватывать половину неба, пространство котораго безпредѣльно: такъ не противорѣчитъ истинѣ и то, что душа не имѣетъ никакой тѣлесной величины, опредѣляемой тремя указанными измѣреніями, хотя и можетъ представлять въ своемъ воображеніи какія угодно громады тѣлъ. Но не многимъ дано посредствомъ самой души созерцать душу, т. е. чтобы душа сама себя видѣла; видитъ же она посредствомъ ума. Ему одному предоставлено видѣть, что между вещами нѣтъ ничего могущественнѣе и величе-

ственнѣе тѣхъ натуръ, которыя представляются существующими, такъ сказать, безъ вступленности. Вѣдь не безъ смысла же величина тѣла называется вступленностію, которая если бы имѣла большую цѣну, то слоны несомнѣнно были бы разумнѣе насъ. А если бы какой либо родня ихъ сталъ утверждать, что слоны мудры (встрѣчалъ я, хоть и къ удивленію своему, но встрѣчалъ нерѣдко и такихъ людей, которые спорили и объ этомъ), такой, по мнѣнію моему, согласится по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что пчелка мудрѣе осла; а приравнить ихъ по величинѣ значило бы быть болѣе, чѣмъ осломъ. Но мы заговорили о глазѣ. Кому неизвѣстно, что глазъ орла гораздо меньше нашего? А между тѣмъ паря въ такой высотѣ, что и при дневномъ свѣтѣ мы съ трудомъ различаемъ его, онъ ясно видитъ зайчика, скрывающагося подъ кустомъ, и рыбку подъ волнами. Если же въ самыхъ чувствахъ, которымъ дано чувствовать только тѣлесное, не имѣть значенія для дѣла, т. е. для силы чувства, величина тѣла: то скажи на милость, слѣдуетъ ли бояться за душу человеческую, которой превосходнѣйшій и почти единственный взоръ есть самъ разумъ, стремящійся постигнуть ее же саму,— бояться, что она ничто, если тотъ же разумъ, т. е. она же сама докажетъ, что она не имѣетъ никакой величины, занимающей мѣсто? Повѣрь мнѣ, что одушѣ слѣдуетъ мыслить нѣчто великое, но великое безъ всякаго представленія массивности. Это легче удастся тѣмъ, которые, будучи хорошо образованы, приступаютъ къ этому не изъ желанія пустой славы, а воспламененные божественною любовію къ истинѣ; или тѣмъ, которые упражняются въ изысканіяхъ этого рода, и хотя приступили къ нимъ недостаточно подготовленными наукою для изслѣдованій, но терпѣливо отдаются на ученіе добрымъ и отказываются, насколько это возможно въ настоящей жизни, отъ всякихъ связей тѣлесныхъ. Не можетъ же допустить божественное

провидѣніе, чтобы благочестивѣйшія души не имѣли возможности найти себя самихъ и Бога своего, т. е. истину, какъ скоро ищутъ ее благочестиво, съ чистымъ сердцемъ и съ усердіемъ.

ГЛАВА XV.

Ставится возраженіе, что душа растетъ съ возрастомъ человека.

Если у тебя не остается болѣе сомнѣній, то покончимъ уже, если угодно, съ этимъ вопросомъ, и перейдемъ къ другому. А что объ извѣстныхъ фигурахъ мы говорили быть можетъ пространнѣе, чѣмъ ты желалъ, то увидишь самъ, насколько это будетъ имѣть значеніе для другаго, если признаешь, что настоящему разсужденію это помогло не много. Ибо этотъ родъ знаній съ одной стороны упражняетъ душу, подготавливая ее къ созерцанію болѣе возвышенныхъ предметовъ, чтобы, пораженная ихъ свѣтомъ, и не будучи въ состояніи выносить его, она не бѣжала съ удовольствіемъ назадъ въ тотъ мракъ, изъ котораго желала уйти; а съ другою—доставляетъ доказательства, если не ошибаюсь, самыя точныя: такъ что когда при помощи ихъ бываетъ что либо найдено и доказано, то, насколько подобное дано изслѣдывать человѣку, сомнѣніе дѣлается безстыднымъ. Ибо я въ этихъ вещахъ сомнѣваюсь менѣе, чѣмъ въ тѣхъ, которыя видимъ мы эгими глазами, вѣчно ведущими войну съ слізью. Что можетъ быть неспосибѣе и непрятнѣе для слуха, когда утверждаютъ, что мы превосходимъ животныхъ разумомъ, а между тѣмъ ту вещь, которую мы видимъ тѣлесными глазами, и которую нѣкоторые животныя даже лучше нашего видятъ, признаютъ за нѣчто существующее, а то, что мы созерцаемъ разумомъ, усиливаются представить не существующимъ? Въдь если бы сказать, что послѣднее таково же, какъ и то, что мы видимъ глазами, то и въ такомъ слу-

чаѣ, казалось бы, нельзя было бы сказать ничего болѣе недостойнаго.

Е. Принимаю это съ полною охотою и соглашаюсь съ тобою. Но хотя заключеніе, что душа не имѣетъ тѣлесной величины, для меня такъ ясно, что я рѣшительно не знаю, какъ бы я могъ опровергнуть эти доказательства и съ какимъ изъ нихъ не согласиться, однако меня колеблетъ слѣдующее. Почему, прежде всего, какъ съ годами растетъ тѣло, такъ растетъ или кажется растущею и душа? Кто станетъ отрицать, что мальчики въ дѣтствѣ уступаютъ по способностямъ даже нѣкоторымъ животнымъ? Кто также усумнится, что съ возрастомъ ихъ въ нихъ нѣкоторымъ образомъ растетъ и самый разумъ? Затѣмъ, если душа распространяется по пространству тѣла своего, какимъ образомъ она величины не имѣетъ? А если бы не распространялась, какимъ образомъ она ощущала бы уколъ, гдѣ бы онъ ни былъ сдѣланъ? А. Ты задаешь точно такіе же вопросы, надъ которыми и я задумывался часто. Поэтому я также готовъ отвѣчать тебѣ, какъ обыкновенно отвѣчаю себѣ. Удовлетворителенъ ли будетъ отвѣтъ, будетъ судить разумъ, который руководить тобою. Каковъ бы впрочемъ онъ ни былъ, болѣе точнаго я дать не могу, развѣ только при помощи Божіей придетъ на умъ что лучшее во время самаго разсужденія. Но поведемъ, если угодно, рѣчь по обычаю своему такъ, чтобы ты подъ руководствомъ разума отвѣчалъ самъ себѣ; и прежде всего разсмотримъ, дѣйствительно ли то обстоятельство, что человѣкъ съ возрастомъ дѣлается способнѣе въ человѣческихъ отношеніяхъ и пріобрѣтаетъ въ нихъ все большую и большую опытность, служить вѣрнымъ доказательствомъ возрастанія души съ тѣломъ. А. Дѣлай, какъ тебѣ угодно. И я весьма одобряю этотъ способъ учить и учиться. Не знаю, какъ это происходитъ, но когда я самъ отвѣчаю на то, о чемъ по невѣденію спрашивалъ, самое

открытіе становится болѣе пріятнымъ не только по существу дѣла, но и по неожиданности, приводящей въ удивленіе.

ГЛАВА XVI.

Дается отвѣтъ на возраженіе, и доказывается, что душа дѣлаетъ успѣхи независимо отъ роста тѣлеснаго.

А. Итакъ скажи, думаешь ли ты, что словами — больше и лучше, обозначаются двѣ какія либо вещи, или двумя именами названо одно и тоже? Е. Одно разумѣю я подъ тѣмъ, что называется больше, и другое подъ тѣмъ, что — лучше. А. Къ чему изъ этихъ двухъ, по твоему мнѣнію, относится величина? Е. А къ тому, разумѣется, что мы называемъ больше. А. Ну, а когда мы признаемъ, что изъ двухъ фигуръ кругъ лучше квадрата, величина ли насъ побуждаетъ къ этому, или что другое? Е. Отнюдь не величина, а причиною этого превосходства служить то равенство, о которомъ мы говорили выше. А. Въ такомъ случаѣ обрати вниманіе на слѣдующее. Находишь ли ты, что душевная доблесть есть нѣкоторое равенство жизни, сообразующейся во всѣхъ отношеніяхъ съ разумомъ. Въдь если къ жизни одно идетъ въ разрѣзъ съ другимъ, то это, если не ошибаюсь, оскорбляетъ насъ болѣе, чѣмъ если какая либо часть круга находится въ большемъ или меньшемъ, чѣмъ другія, разстояніи отъ центра. Или тебѣ представляется это иначе? Е. Напротивъ, я согласенъ съ тобою, и принимаю это сдѣланное тобою опредѣленіе доблести душевной. Ибо и разумомъ долженъ быть называемъ и признаваемъ только разумъ истинный; и тотъ, чья жизнь во всѣхъ отношеніяхъ согласна съ истиною, тотъ только одинъ или по преимуществу живетъ хорошо и честно; и только такъ построенный долженъ быть признаваемъ имѣющимъ добродѣтель и ею живущимъ. А. Ты хорошо говоришь; но полагаю, замѣ-

чаешь и то, что кругъ имѣеть болѣе сходства съ душевною доблестію, чѣмъ какая либо другая изъ плоскихъ фигуръ. Отсюда у Горація, обыкновенно превозносимый великими похвалами, извѣстный стихъ, въ которомъ онъ говорить, когда ведетъ рѣчь о мудромъ:

Сильный, и въ себя самого весь свернувшійся, и округленный ¹⁾.

И это вѣрно. Ибо какъ въ числѣ добрыхъ качествъ душевныхъ не найдешь ничего, что во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовало бы самому себѣ болѣе, чѣмъ добродѣтель; такъ и въ числѣ плоскихъ фигуръ—болѣе, чѣмъ кругъ. Поэтому, если кругъ превосходитъ остальные не величиною объема, а нѣкоторою стройностію образованія: то тѣмъ болѣе слѣдуетъ думать о душевной доблести, что она превосходитъ остальные расположенія душевныя не тѣмъ, что занимаетъ большее мѣсто, а нѣкоторою божественною соразмѣрностію и согласіемъ въ образѣ дѣйствій.

Теперь, когда отрокъ похвальнымъ образомъ совершенствуется, въ чемъ по преимуществу разумѣется это усовершенствованіе, какъ не въ доблести душевной? Или на твой взглядъ это не такъ? Е. Это очевидно. А. Послѣ этого ты не долженъ думать, будто душа совершенствуется какъ тѣло, черезъ ростъ. Совершенствуясь, она достигаетъ доблести, которой красота и совершенство, какъ мы признали, зависятъ не отъ пространственной величины, а отъ великой силы постоянства; и если, какъ ты согласился, иное есть больше, и иное лучше, то усовершенствованіе души возрастомъ, по моему мнѣнію, не значитъ, что она дѣлается больше, а лучше. Если же бы это происходило отъ величины

---

¹⁾ Serm. lib. II, sat. 7. v. 60.

членовъ, то былъ бы и благоразумнѣе тотъ, кто длиннѣе или больше. Но полагаю, ты не станешь отрицать, что надѣлъ это бываетъ иначе. Е Кто сталъ бы отрицать это? Однакоже, такъ какъ и ты признаешь, что душа совершенствуется съ возрастомъ, я удивляюсь, какъ это бываетъ, что чуждая всякой величины душа получаетъ что-то, если не отъ объема членовъ, то отъ пространства времени.

ГЛАВА XVII.

Когда говорятъ, что душа растетъ временемъ, говорятъ метафорически.

А. Перестань удивляться, потому что и на это я отвѣчу тебѣ подобнымъ же доводомъ. Какъ нѣтъ доказательствъ на то, чтобы величина членовъ придавала что нибудь душѣ, потому что многіе, имѣющіе члены слабые и малые, оказываются мудрѣйшими нѣкоторыхъ, снабженныхъ большою массою тѣла: такъ точно мы видимъ, что нѣкоторые юнѣйшіе гораздо дѣятельнѣе и предприимчивѣе очень многихъ старѣйшихъ. Поэтому я не нахожу основаній думать, чтобы разстояніе времени въ человѣческихъ возрастахъ давало приращеніе какъ тѣламъ, такъ и душамъ. Вѣдь и между самыми тѣлами, которыя съ теченіемъ времени растутъ и занимаютъ болѣе обширныя пространства, болѣе многолѣтнія часто имѣютъ меньшій объемъ, и это не только старческія, которыя отъ продолжительности времени сморщиваются и уменьшаются, но даже и тѣла дѣтей; между послѣдними мы встрѣчаемъ меньшихъ по тѣлесному росту сравнительно съ такими, которыхъ они старше по лѣтамъ. Итакъ, если продолжительность времени не служитъ причиною увеличенія самыхъ тѣлъ, но вся сила въ этомъ отношеніи заключается въ сѣмени и въ нѣкоторой тайной и трудной для познанія естественной мѣрѣ; то тѣмъ менѣе слѣдуетъ думать, будто отъ долготы времени душа получаетъ большую долготу.

Изучаетъ она многое, какъ мы знаемъ, опытностію и настойчивостію.

Тебя, быть можетъ, приводитъ въ сомнѣніе то, что такъ называемую у грековъ μακροθυμῖαν, мы обыкновенно переводимъ словомъ *longanimitas* ¹⁾. Но нужно замѣтить, что много словъ переносится отъ тѣла на душу, равно какъ и отъ души на тѣло. Если Virgilій называетъ гору недобросовѣстною, а землю справедливѣйшею, — именами, какъ видишь, перенесенными отъ души на тѣло, то что удивительнаго, если и обратно мы употребляемъ слово *longanimitas*, хотя долгими (*longa*) могутъ быть только тѣла? А та изъ добродѣтелей, которая называется величіемъ души, правильно понимается относящеюся не къ пространству, а къ нѣкоторой силѣ, именно къ могуществу и власти душевной; и добродѣтель эта тѣмъ выше заслуживаетъ цѣну, чѣмъ большее она презираетъ. Но объ ней будемъ говорить послѣ, когда будемъ разсматривать вопросъ о томъ, какъ велика душа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно спрашивается, какъ великъ былъ Гераклъ не по массивности членовъ, а по превосходству подвиговъ. Ибо такой мы выше установили порядокъ. Въ настоящемъ же случаѣ тебѣ слѣдуетъ припомнить то, что сказано нами о точкѣ, и сказано въ достаточномъ количествѣ. Разумъ училъ насъ, что она есть самое могущественное и по преимуществу господствующее въ фигурахъ. Могущество же и господство развѣ не указываютъ на нѣкоторое величіе? А между тѣмъ въ точкѣ мы не открыли никакого пространства. Поэтому, когда мы слышимъ или говоримъ о душѣ, что она великая или высокая, мы должны представлять не то, сколько она зани-

---

¹⁾ *Долготерпѣливѣе*; по смыслу соответствуетъ русскому *долготерпѣливѣе*; употребляется и въ смыслѣ *великодущія*.

маеть мѣста, а то, какою располагаетъ она силою. Итакъ, если твой первый доводъ, по которому тебѣ казалось, будто душа растеть съ тѣломъ годами, разобранъ уже достаточно, то перейдемъ къ другому.

ГЛАВА XVIII.

Способность говорить, которую дитя усваиваетъ по-немногу, не слѣдуетъ приписывать возрастанію души.

Е. Все ли мы пересмотрѣли, что обыкновенно приводить меня въ немалое недоумѣніе, не знаю. Можетъ случиться, что изъ памяти моей ускользнуло что нибудь. Но разъясимъ то, что пришло мнѣ на мысль въ настоящее время, именно, что въ младенчествѣ дитя не говорить, а вырастая начинаетъ говорить. А. Это легко сдѣлать. Ты, полагаю, знаешь, что каждое изъ нихъ говорить тѣмъ языкомъ, какимъ говорятъ люди, между которыми оно родилось и воспитано. Это знаетъ всякій. А. Представь же, что кто нибудь родился и выросъ тамъ, гдѣ люди не говорятъ, а передають взаимно другъ другу свои мысли посредствомъ мановеній и движенія членовъ. Не думаешь ли ты, что и онъ будетъ дѣлать тоже, и что тотъ не будетъ говорить, кто не будетъ слышать никого говорящаго? Е. Не спрашивай меня о томъ, чего быть не можетъ. Развѣ я могу представить кого нибудь рожденнымъ между такими людьми. А. Неужели ты не видѣлъ въ Медіоланѣ юношу прекраснаго тѣлосложенія и въ высшей степени деликатнаго, который однакоже нѣмъ и такъ глухъ, что и другихъ можетъ понимать только по движеніямъ тѣла, и самъ не иначе можетъ выражать то, что желаетъ выразить? Этимъ онъ получилъ особую извѣстность. Я же зналъ одного крестьянина, который самъ говорилъ и отъ жены, также говорившей, родилъ всѣхъ дѣтей, четырехъ или болѣе того (теперь точно не припоминаю) мальчиковъ и дѣвочекъ, нѣмыми и глухими. Они были нѣмы, такъ

какъ не могли говорить; а такъ какъ они замѣчали дѣлаемые имъ знаки только глазами, то считались и глухими. Е. Перваго я хорошо знаю, а относительно другихъ, которыхъ не знаю, вѣрю тебѣ. Но что же изъ этого? А. Но вѣдь ты сказалъ, что не можешь представить себѣ, чтобы кто нибудь родился между такими людьми. Е. Я и теперь говорю тоже самое; потому что ты согласишься, если не ошибаюсь, что эти люди родились между такими, которые говорили. А. Я не отрицаю этого; но какъ скоро намъ извѣстно, что такіе люди могутъ быть, то представь, пожалуйста, что изъ такихъ людей мужчина и женщина вступили бы между собою въ бракъ, и заброшенные по какому нибудь случаю въ пустыню, гдѣ однакоже могли бы жить, родили сына не глухаго. Какъ сталъ бы онъ разговаривать съ своими родителями? Е. А не иначе, разумѣется, какъ давая и съ своей стороны движеніями знаки, какіе давали бы ему родители. Но очень малое дитя не могло бы и этого дѣлать. Поэтому мой доводъ остается въ своей силѣ. Получаетъ ли душа съ возрастомъ способность говорить или дѣлать знаки движеніями, это не дѣлаетъ большой разницы; потому что и то и другое одинаково относится къ душѣ, которую мы не желаемъ признать возрастающею.

А. Послѣ этого мнѣ кажется, что по твоему мнѣнію и тотъ, кто ходитъ по канату, имѣетъ душу большую, чѣмъ тѣ, которые этого дѣлать не могутъ. Е. Это другое дѣло; въ этомъ всякій увидитъ искусство. А. А почему же искусство? Не потому ли, что онъ изучилъ его? Е. Точно такъ. А. Такъ почему же ты не считаешь искусствомъ, если кто нибудь изучить что либо другое? Е. Напротивъ, я не отрицаю, что все, что ни изучается, относится къ искусству. А. Стало быть тотъ не научился отъ родителей дѣлать движеніями знаки? Е. Научился, безъ сомнѣнія. А. Въ такомъ случаѣ ты долженъ согласиться, что и это есть дѣло своего

рода подражательнаго искусства, а не увеличенія души вслѣдствіе возраста. Е. Съ этимъ согласиться я не могу. А. Въ такомъ случаѣ не все, что изучается, относится къ искусству, хоть ты только что и согласился съ этимъ. Е. Непремѣнно къ искусству. А. Такъ тотъ не научился дѣлать движеніями знаки, съ чѣмъ ты также было согласился. Е. Онъ научился; но это не относится къ искусству. А. Но не долго же передъ этимъ ты сказалъ, что то, что изучается, относится къ искусству. Е. Пожалуй, я уже согласенъ, что умѣнье и говорить и дѣлать движеніями знаки относится къ искусству, такъ какъ мы этому научаемся. Но иного рода тѣ искусства, которыя мы изучаемъ, наблюдая за другими, и иного рода тѣ, которыя влагаются въ насъ учителями. А. Какія же изъ этихъ искусствъ, по твоему мнѣнію, усволяетъ душа въ силу того, что дѣлается больше? Ужь не всѣ ли? Е. Думаю, что не всѣ, а именно первыя. А. А не изъ этого ли рода искусствъ будетъ, на твой взглядъ, искусство ходить по канату? По моему мнѣнію и это искусство пріобрѣтается посредствомъ наблюденія за тѣми, которые такъ дѣлають. Е. Думаю, что такъ; но однакоже не всѣ, которые видятъ это и всматриваются съ великимъ стараніемъ, въ состояніи бывають усвоить это искусство, а только тѣ, которые отдаются въ науку знатокамъ этого дѣла. А. Ты очень хорошо говоришь. Въ томъ же родѣ я дамъ тебѣ отвѣтъ и относительно говоренія. Многіе греки слышатъ насъ, говорящихъ другимъ языкомъ гораздо чаще, чѣмъ смотрятъ на хожденіе по канату; однакоже, чтобы изучить нашъ языкъ, часто, какъ дѣлаемъ то и мы, желая изучить ихъ языкъ, обращаются къ учителямъ. Если это такъ, то мнѣ кажется удивительнымъ, почему ты приписываешь возрастанію души то, что люди говорятъ, а не хочешь приписать ему же то, что они ходятъ по канату. Е. Не понимаю, какимъ образомъ ты смѣшиваешь это. Вѣдь тотъ, кто для изученія нашего языка

береть себѣ учителя, уже знаетъ извѣстный свой языкъ, который, по моему мнѣнію, онъ изучилъ вслѣдствіе возраста души; когда же затѣмъ онъ изучаетъ чужой, то это я приписываю уже не увеличенію души, а искусству. А. Ну, а если бы тотъ человѣкъ, который родился и выросъ между нѣмыми, понавѣ въ среду другихъ людей, научился говорить поздно и будучи уже юношею; полагаешь ли ты, что его душа выросла бы въ то время, когда онъ научился бы говорить? Е. Этого я никогда не рѣшусь сказать; и уже вѣрю выводу, и не считаю умѣнья говорить доказательствомъ увеличенія души. Иначе я вынужденъ былъ бы признать, что и всѣ другія искусства душа усваиваетъ посредствомъ возрастанія. А сказавъ это, я долженъ былъ бы допустить въ заключеніи ту нелѣпость, что душа уменьшается въ ростѣ, какъ скоро что нибудь забывается.

ГЛАВА XIX.

Въ какомъ смыслѣ говорится, что душа растетъ или уменьшается.

А. Ты прекрасно понялъ дѣло, и настолько вѣрно, что я могу тебѣ сказать, что о душѣ правильно говорится, что она какъ бы растетъ, когда учится, и напротивъ уменьшается, когда разучивается; но говорится въ переносномъ смыслѣ, какъ показали мы это выше. При этомъ нужно однако остерегаться, чтобы при словѣ растетъ не представлять себѣ, будто она занимаетъ большее пространство; а нужно представлять, что, становясь болѣе свѣдущею, она пріобрѣтаетъ для дѣятельности нѣкоторую большую силу, чѣмъ какую имѣетъ менѣе свѣдущая. Большую разницу дѣлаетъ также и свойство того, что она изучаетъ и чѣмъ она представляется въ нѣкоторомъ родѣ увеличившеюся. Есть троякаго рода приращеніе въ тѣлѣ. Одно необходимое, которымъ дается членамъ естественная стройность. Другое

излишнее. когда что нибудь чрезъ увеличеніе нормальнаго состоянія разнится отъ другихъ членовъ. Такъ бываетъ, между прочимъ, когда люди рождаются съ шестью пальцами; таковы и многія другія отступленія, которыя, когда принимаютъ сверхъ обыкновенія чрезвычайныя размѣры, называются чудовищными. Третье вредное, которое, если случается, называется опухlostію. И въ послѣднемъ случаѣ о членахъ говорятъ, что они выросли, и на дѣлѣ они дѣйствительно занимаютъ большее пространство; но это съ потерю здороваго состоянія. Также точно и въ душѣ есть нѣкоторыя приращенія какъ естественныя, когда объ ней говорятъ, что она увеличивается почтенными и имѣющими приложеніе къ честной и блаженной жизни науками. Когда же мы изучаемъ такое, что болѣе возбуждаетъ удивленіе, чѣмъ приносить пользу, то такое, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и очень выгодно, должно быть вообще признаваемо излишнимъ и относимо къ упомянутому второму роду. Изъ того, что извѣстный игрокъ на флейтѣ, какъ рассказываетъ Варронъ, доставилъ такое удовольствіе народу, что сдѣлаясь царемъ, не слѣдуетъ, чтобы мы должны были заботиться объ увеличеніи души своей этимъ мастерствомъ; также точно, какъ мы не пожелали бы имѣть зубы большіе человѣческихъ, еслибы услышали, что кто нибудь, имѣвшій такіе зубы, растерзалъ ими врага. Вредный же родъ искусствъ есть тотъ, который вредитъ здоровому состоянію души. Умѣнье, напримѣръ, съ удивительнымъ искусствомъ различать по запаху и вкусу кушанья; умѣнье сказать, въ какомъ озерѣ поймана рыба или сколькихъ лѣтъ вино,—умѣнье, заслуживающее сожалѣнія. Если какая либо душа, которая, пренебрегши умомъ, погрязла въ чувства, представляется выросшею такими искусствами, то объ ней слѣдуетъ сказать, что она только вспухла, или даже что она истощала.

ГЛАВА XX.

Не изъ самой ли себя душа приобретаетъ знанія.

Е. Допускаю это и соглашаюсь съ тобою; тѣмъ не менѣе сокрушаюсь, что душа наша является такою во всѣхъ отношеніяхъ невѣжественною и скотскою, какою мы видимъ ее, насколько то бываетъ возможно видѣть, въ недавно рожденномъ дитяти. Почему это она не приносить съ собою никакого знанія, если она вѣчна? А. Ты поднимаешь великій вопросъ, такой великій, что я не знаю, есть ли другой болѣе великій; и при томъ такой, по которому мнѣнія наши до такой степени противорѣчатъ себѣ взаимно, что тебѣ кажется, будто душа не принесла съ собою никакого знанія, а мнѣ кажется напротивъ, что принесла все, и что такъ называемое ученіе есть не иное что, какъ припоминаніе и представленіе прошедшаго въ настоящемъ. Но не замѣчаешь ли, что теперь не у мѣста заниматься вопросомъ, такъ ли это на самомъ дѣлѣ? Теперь мы стараемся, если можно, разъяснить, что она называется малою или великою не по объему занимаемаго ею мѣста; о вѣчности же ея, если она дѣйствительна, намъ будетъ умѣстно разсуждать тогда, когда начнемъ по возможности отвѣчать на четвертый, поставленный тобою вопросъ, именно: зачѣмъ она дана тѣлу? Для вопроса же о такой ея величинѣ не имѣетъ значенія, — всегда ли или не всегда она была и будетъ, или что въ извѣстное время она несвѣдуща, а въ другое свѣдуща, — какъ скоро мы доказали выше, что продолжительность времени не служить причиною даже увеличенія тѣла, и какъ скоро извѣстно вполнѣ, что съ ростомъ можетъ не соединяться вовсе приобрѣтеніе знанія, а съ старостію соединяется часто. Сказано нами и многое другое, по моему мнѣнію достаточное для того, чтобы доказать, что съ увеличеніемъ тѣла, которое дается возрастомъ, душа не дѣлается большею.

ГЛАВА XXI.

То обстоятельство, что силы въ большемъ возрастѣ большія, не служитъ доказательствомъ возрастанія души.

Поэтому, рассмотримъ, если угодно, твой другой доводъ, именно, что душа, которой мы не желаемъ давать никакого пространства, чувствуетъ прикосновеніе по всему пространству тѣла. Е. Я дозволилъ бы тебѣ перейти уже къ этому, еслибы не находилъ нужнымъ сказать кое что относительно силъ. Что же значитъ, что увеличивающіяся съ возрастомъ тѣла даютъ душѣ большія силы, если вмѣстѣ съ тѣмъ душа не дѣлается большею? Хотя обыкновенно душѣ приписываютъ доблести, а силы тѣлу, однако я никогда не позволю себѣ отчуждать ихъ у души, какъ скоро вижу, что въ бездушныхъ тѣлахъ ихъ нѣтъ. Правда, отрицать нельзя, что душа пользуется силами, какъ и чувствами, при посредствѣ тѣла; тѣмъ не менѣе, если тѣло несетъ эту службу потому, что живетъ, никто не усумнится отнести это по преимуществу къ душѣ. Итакъ, если въ дѣтяхъ подростающихъ мы встрѣчаемъ силы большія, чѣмъ въ младенцахъ, и если потомъ отроки и юноши изо дня въ день вырастаютъ въ своихъ силахъ, которыя потомъ уменьшаются по мѣрѣ устарѣванія тѣла: то по моему мнѣнію это служитъ немаловажнымъ указаніемъ на то, что душа съ тѣломъ растетъ и съ тѣломъ старѣется.

А. То, что ты говоришь, не во всѣхъ отношеніяхъ недѣльно. Но я держусь обыкновенно того мнѣнія, что силы зависятъ не столько отъ объема тѣла и возраста, сколько отъ извѣстнаго упражненія и стройнаго образованія членовъ. Чтобы доказать тебѣ это, я спрошу тебя, полагаешь ли ты, что зависятъ отъ большихъ силъ, что извѣстный человѣкъ можетъ дѣлать большія прогулки и менѣе утомляться, чѣмъ

другой? Е. Я такого мнѣнія. А. Почему же я, будучи мальчикомъ, когда упражнялся въ птицеловствѣ, безъ усталости дѣлалъ пѣшкомъ несравненно болѣе пути, чѣмъ будучи юношею, когда перешелъ къ другимъ занятіямъ, которыя принуждали меня болѣе сидѣть на мѣстѣ, если увеличеніе силъ слѣдуетъ приписать увеличенію возраста и вмѣстѣ съ нимъ возрастанію души? За тѣмъ, въ тѣлахъ самыхъ борцовъ учителя ихъ искуства весьма умно обращаютъ вниманіе не на массу или величину, а на извѣстныя связки мышцъ, и на отдѣльные мускулы, и на всю вообще фигуру тѣла, взаимно себѣ въ частяхъ соответствующую, и въ эгомъ по преимуществу находятъ доказательство силъ. Однакоже и это все имѣетъ мало значенія, если къ нему не присоединится искуство и упражненіе. Мы часто видимъ, что людей огромнаго роста превосходятъ низенькіе и маленькіе, вакъ въ движеніи, такъ въ носкѣ тяжестей, и даже въ самой борьбѣ. Кому неизвѣстно, что какой угодно побѣдитель на олимпійскихъ играхъ скорѣе устанетъ въ дорогѣ, чѣмъ какой нибудь рыночный торговецъ, котораго онъ могъ бы раздартъ однимъ пальцемъ? Итакъ, если и силы мы называемъ великими не все одинаково, а нѣкоторыя, наиболѣе годныя къ извѣстному дѣлу; если и очертанія тѣлъ и фигуры ихъ имѣютъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ величина; если и упражненія придаютъ столько, что, какъ провѣрялось это очень часто, человѣкъ, поднимая ежедневно маленькаго тѣленка, достигалъ того, что могъ поднимать и держать его, ставшаго быкомъ, не чувствуя большой тяжести, которая прибавлялась по немногу: то силы, обнаруживающіяся въ болѣемъ возрастѣ, отнюдь не показываютъ возрастанія души.

ГЛАВА XXII.

Откуда у тѣла большія силы.

Если сравнительно большія тѣла животныхъ, вслѣдствіе того именно, что они больше, имѣютъ нѣсколько больше силъ, то причина этого въ томъ, что по закону природы тяжести меньшія уступаютъ большимъ. Законъ этотъ проявляется не только въ тѣхъ случаяхъ, когда тѣла сами собою стремятся занять свое мѣсто, какъ напримѣръ тѣла жидкія и земляныя—въ самомъ центрѣ міра, который находится въ самомъ низу, а тѣла воздушныя и огненныя—наоборотъ, вверху; но и въ тѣхъ, когда какимъ либо метательнымъ орудіемъ, или бросаньемъ, или толчкомъ, или отраженіемъ, они бывають вынуждены чуждою имъ силою идти не туда, куда стремились бы сами собою. Если тыпустишь съ высоты, хотя и вмѣстѣ, но различной величины два камня, то большій упадетъ на землю скорѣе; но если меньшій попадетъ подъ него и такъ будетъ охваченъ имъ, что не выскользнетъ изъ-подъ него, онъ поддастся ему совершенно и вмѣстѣ съ нимъ упадетъ на землю. Также точно если большій будетъ брошенъ сверху внизъ, а меньшій брошенъ снизу вверхъ, то тамъ, гдѣ они встрѣтятся, необходимо послѣдуетъ отраженіе и обратное движеніе меньшаго. А чтобы ты не подумалъ, что это случается потому, что меньшему дано вопреки природѣ насильственное движеніе въ высоту, тогда какъ другой направляется съ большимъ стремленіемъ къ своему мѣсту,—сдѣлай такъ, чтобы большій былъ брошенъ вверхъ и встрѣтился съ меньшимъ, падающимъ на землю; увидишь и въ этомъ случаѣ, что меньшій, будучи отраженъ, получитъ движеніе къ небу, и когда упадетъ потомъ внизъ, упадетъ не въ ту сторону, въ которую былъ направленъ, а въ другую. Также точно если два

камня не по естественному движенію, а потому, что брошены будутъ одинъ противъ другаго двумя, напримѣръ, сражающимися на войнѣ, столкнутся между собою на срединѣ пролетаемаго ими разстоянія: кто усумнится, что меньшій уступить большому и оба полетятъ въ ту сторону, откуда летѣлъ первый и куда брошенъ послѣдній? Впрочемъ, хотя это и дѣйствительно такъ бываетъ, т. е. хотя тяжести меньшія, какъ сказано, и уступаютъ большимъ, однако большую важность имѣетъ при этомъ то, съ какою быстротою и силою они движутся другъ противъ друга. Если меньшій, брошенный посредствомъ какого нибудь сильного метательнаго орудія съ большею силою и стремительностію, столкнется съ большимъ, брошеннымъ съ меньшею силою или уже ослабѣвшимъ въ полетѣ, то хотя онъ и отскочитъ отъ послѣдняго, но замедлитъ его движеніе, или даже дастъ ему движеніе обратное, смотря по силѣ ударовъ и по тяжестимъ.

Преднославъ и уяснивъ это, я прошу тебя вникнуть, не подходятъ ли подъ это правило и такъ называемыя силы въ животныхъ. Кто станетъ отрицать, что тѣла всѣхъ вообще животныхъ имѣютъ свою тяжесть? Эта тяжесть, движутая по извѣстному направленію мановеніемъ души, имѣетъ значительную силу вслѣдствіе собственной величины. Но мановеніе душевное для движенія тяжести тѣла пользуется сухожиліями, какъ своего рода метательными орудіями; а сухожиліямъ придаетъ большую живость и подвижность сухость и умѣренная теплота, влажный же холодъ, напротивъ, расслабляетъ и обезсиливаетъ ихъ. Поэтому во снѣ, который медики называютъ холоднымъ и влажнымъ, подтверждая такое воззрѣніе на него доказательствами, члены приходятъ въ расслабленіе, и самое напряженіе силъ упрасыпающихся отличается особенною слабостію; отъ того нѣтъ слабѣе и безсильнѣе летаргиковъ. Но нѣкоторые сумасшедшіе, у которыхъ бессонница, вино и острые лихорадки, т. е. все

такое, что вызывает жаръ, производить крайне напряженіе и жесткость жилъ, напротивъ того, какъ извѣстно, оказываютъ сопротивленіе бѣлымъ силамъ, чѣмъ въ здоровомъ состояніи, и обнаруживаютъ значительную силу вообще; хотя тѣло ихъ отъ болѣзни бываетъ болѣе худо и сухо. Итакъ то, что называется силами, слагается изъ мановенія души, изъ извѣстнаго механизма сухожилій, и изъ тяжести тѣла. Мановеніе даетъ воля; оно бываетъ стремительнѣе при существованіи надежды или отважности, и обезсилливается страхомъ, а еще болѣе отчаяніемъ: потому что въ страхѣ, при которомъ еще есть мѣсто для надежды, силы оказываются обыкновенно бѣлыми. Механизмъ дается соотвѣствующимъ образованіемъ тѣла; состояніе здоровья видоизмѣняетъ его, а упражненіе укрѣпляетъ. Тяжесть сообщается массивностію членовъ, приобретаемою возрастомъ и питаніемъ, а восстанавливаемою однимъ питаніемъ. У кого все это получаетъ одинаково значительное развитіе, тотъ возбуждаетъ удивленіе своими силами, и тѣмъ болѣе извѣстный человѣкъ слабѣе другаго, чѣмъ болѣе у него недостаетъ указаннаго. Но часто бываетъ и такъ, что человѣкъ, владѣющій меньшею тяжестію тѣла, въ силу настойчивости мановенія (*воли*) и лучшаго механизма, побѣждаетъ другаго, владѣющаго бѣлшею тѣлесною массою. И наоборотъ, массивность иногда бываетъ такъ велика, что при самомъ незначительномъ усиленіи подавляетъ мелкаго противника, не смотря на дѣлаемые имъ гораздо бѣлыя усилія. Но когда уступаетъ не тяжесть тѣла, и нерасположеніе и состояніе сухожилій, а самое мановеніе (*воли*), т. е. сама душа, такъ что побѣду одерживаетъ не сильнѣйшій во всѣхъ отношеніяхъ, а во всемъ слабѣйшій, и болѣе отважный надъ трусливымъ,—я не знаю, слѣдуетъ ли и приписывать ее силамъ; развѣ только кто станетъ утверждать, что и душа имѣетъ свои силы, благодаря которымъ этотъ получилъ большую отважность и са-

моувѣренность. Въ такомъ случаѣ,—какъ скоро онѣ у одного есть, а у другого ихъ нѣтъ,—это даетъ понять, насколько душа превосходитъ тѣло даже въ томъ, что совершается черезъ тѣло.

Итакъ, какъ скоро у дитяти есть несомнѣнно одно только мановеніе (*воли*) притянуть къ себѣ или оттолкнуть что либо; но его сухожилія по причинѣ недавняго и еще несовершеннаго образованія неповоротливы, по причинѣ влажности, изобилующей въ этомъ возрастѣ, вялы, и по отсутствію всякаго упражненія—слабы; а тяжесть до такой степени мала, что не даетъ сильнаго толчка даже когда бьется брошена другимъ, и вообще оказывается способною болѣе подвергаться гнѣту, чѣмъ производить его: кто, увидѣвъ, что все это, не бывшее прежде, принесено годами, и узнавъ, что годами же даны такимъ образомъ силы, сочтетъ правильнымъ и разумнымъ мнѣніе, будто выросла душа, которая на самомъ дѣлѣ только пользуется тѣмъ, что со дня на день увеличивается? Такой, еслибы увидѣлъ сперва, что не далеко летять и скоро падаютъ камышинки, бросаемыя со всею силою изъ слабаго лука юношею, скрытымъ отъ него промежуточною завѣсою, а релѣдъ за тѣмъ увидѣлъ бы, что летять высоко къ небу стрѣлы, уже отягченныя желѣзомъ, пернатые, брошенныя сильно натянутою тетивою,—такой, получивъ увѣреніе, что то и другое сдѣлано человекомъ съ равнымъ усиленіемъ, могъ бы пожалуй подумать, что этотъ человекъ въ такое коротенькое время выросъ и увеличился въ своихъ силахъ? Что можно придумать пелѣнѣ этого?

Далѣе, обрати вниманіе и на то, до такой степени невѣжественно, если душа вырастаетъ, ставить приращенія ея въ зависимость отъ силъ тѣлесныхъ, а не считать источникомъ ихъ увеличеніе познаній въ то время, когда какъ первымъ она придаетъ съ своей стороны только мановеніе (*воли*), а послѣдними владѣетъ нераздѣльно? За тѣмъ, если мы думаемъ, что душа вырастаетъ, когда придаются ей

силы; то должны думать, что она и уменьшается, когда силы отнимаются. Но силы отнимаются въ старости; отнимаются и при занятіяхъ научныхъ. А между тѣмъ въ это то время познанія приобрѣтаются и увеличиваются. А увеличиваться и уменьшаться что либо въ одно и тоже время разомъ никакъ не можетъ. Слѣдовательно то обстоятельство, что въ большемъ возрастѣ силы бываютъ большія, не служить доказательствомъ возрастанія души. Можно было бы сказать и много другаго, но если ты уже удовлетворишься, и покончу съ этимъ предметомъ, и мы перейдемъ къ другому. Е Я убѣдился достаточно, что большія силы зависятъ не отъ того, чтобы выросла душа. Я не буду упоминать о твоихъ другихъ основательныхъ сужденіяхъ; но полагаю, что самъ сумасшедшій, у котораго силы, какъ извѣстно каждому, дѣлаются большими, чѣмъ обыкновенно бываютъ у здороваго,—самъ сумасшедшій не сказалъ бы, что помѣшательствомъ и болѣзнію тѣлесною душа возрастаетъ, хотя само тѣло уменьшается. Съ этихъ поръ я держусь по преимуществу того мнѣнія, что въ сухожиліяхъ заключается все, чему мы удивляемся, когда въ комъ либо оказываются чрезвычайныя силы. Поэтому я прошу тебя приступить уже къ тому, къ чему обращена теперь вся моя мысль, именно: Почему душа, если не имѣетъ такой пространственной величины, какую имѣетъ тѣло, чувствуетъ его повсюду, гдѣ бы къ нему ни прикоснуться?

ГЛАВА XXIII.

Изъ того, что душа чувствуетъ по всему тѣлу, не слѣдуетъ, чтобы она была одинаковаго съ тѣломъ пространства. Что такое чувство, и какимъ образомъ происходитъ зрѣніе.

А. Приступимъ, пожалуй, къ тому, что ты желаешь. Но нужно, чтобы ты слушалъ меня гораздо внимательнѣе,

чѣмъ по твоему быть можетъ мнѣнію это слѣдуетъ. Поэтому сосредоточься до возможной степени и отвѣчай мнѣ, что такое, по твоему мнѣнію, это чувство, которымъ душа пользуется чрезъ тѣло (вѣдь это-то собственно и называется чувствомъ)? Е. Я слышалъ обыкновенно, что есть пять чувствъ: зрѣніе, слухъ, обоняніе, вкусъ и осязаніе; что сказать тебѣ больше, я не знаю. А. Раздѣленіе это весьма древне и часто употребляется въ рѣчахъ, обращенныхъ къ народу. Но я желалъ бы, чтобы ты опредѣлилъ мнѣ, что такое самое это чувство,—опредѣлилъ такъ, чтобы въ опредѣленіи твоёмъ заключались всѣ указанныя чувства, и не подразумевалось ничего такого, что не было бы чувствомъ. Если это невозможно, я не настаиваю. Для дѣла будетъ достаточно, если ты будешь въ состояніи опровергнуть или подтвердить мое опредѣленіе. Е. Последнимъ я пожалуй услужу тебѣ, насколько могу; хотя и то не всегда безъ труда. А. Такъ слушай же. Чувство, по моему мнѣнію, есть то, въ силу чего отъ души не укрывается то, что испытываетъ тѣло. Е. Я одобряю это опредѣленіе. А. Въ такомъ случаѣ пристань къ нему, какъ къ своему собственному, и защищай его, пока я буду по немногу опровергать его. Е. Буду, пожалуй, защищать, если ты будешь помогать; а если нѣтъ, то я уже отъ него отказываюсь: потому что ты не напрасно, конечно, нашелъ нужнымъ опровергать его. А. Не подчиняйся до крайности авторитету, особенно—моему, который не существуетъ. »Смѣй разумѣмъ«, какъ говоритъ Гораций: пусть разумъ покоряетъ тебя прежде, чѣмъ страхъ. Е. Какъ бы дѣло ни велось, я рѣшительно ничего не боюсь. Ты конечно не допустишь меня до заблужденія. Но начинай уже; если что имѣешь сказать, чтобы откладываніе не утомило меня болѣе, чѣмъ самыя возраженія.

А. Такъ скажи же мнѣ, что испытываетъ твое тѣло,

когда ты меня видишь? Е. Нѣчто испытываетъ несомнѣнно: потому что глаза, если не ошибаюсь, суть части моего тѣла; если бы они ничего не испытывали, то какимъ бы образомъ я видѣлъ тебя? А. Но мнѣ недостаточно твоего увѣренія, что глаза твои нѣчто испытываютъ, если ты не объяснишь, что именно они испытываютъ. Е. Разумѣется, не другое что, какъ самое зрѣніе, потому что видятъ. Вѣдь если бы ты спросилъ, что испытываетъ больной, я отвѣчалъ бы, что—болѣзнь,—желающій—желаніе, — опасующійся—опасеніе, — радующійся—радость. Такъ почему же бы на вопросъ — что испытываетъ видящій, мой отвѣтъ—что испытываетъ самое зрѣніе, былъ неправиленъ? А. Но радующійся чувствуетъ радость, или нѣтъ? Е. Полагаю, что такъ. А. Тоже я могъ бы сказать и одругихъ душевныхъ волненійхъ? Е. Думаю, что такъ. А. Стало быть, какъ скоро глаза что нибудь чувствуютъ, они то видятъ. Е. Съ этимъ я никакъ не могу согласиться: болѣзни никто не видитъ, хотя глаза часто се чувствуютъ. А. Видно, что твое вниманіе обращено на глаза; ты слѣдишь за дѣломъ хорошо. Итакъ всмотрись, также ли точной видящій, видя, чувствуетъ зрѣніе, какъ радующійся, радуясь, чувствуетъ радость? Е. А развѣ это можетъ быть иначе? А. Но все то, что видящій, видя, чувствуетъ, все то онъ непремѣнно и видитъ. Е. Не непремѣнно; а если видя, онъ чувствуетъ любовь: неужели любовь онъ видитъ? А. Осмотрительно и проникательно; радуюсь, что тебя трудно поймать. Но обрати теперь вниманіе на слѣдующее. Такъ какъ между нами рѣшено, что не все то, что глаза чувствуютъ, и не все то, что, видя, чувствуемъ, мы непремѣнно видимъ: то не считаешь ли ты истиннымъ по крайней мѣрѣ то, что все, что мы видимъ, то непремѣнно чувствуемъ? Е. Если бы я съ этимъ не согласился, то какимъ бы образомъ могло называться чувствомъ то, что мы видимъ? А. Ну, а не испытываемъ ли мы всего того, что чувствуемъ?

Е. Это такъ. А. Слѣдовательно, если все, что мы видимъ, чувствуемъ, и все, что чувствуемъ, испытываемъ: то мы испытываемъ все, что видимъ. Е. Не возражаю. А. Значить, когда мы видимъ другъ друга, ты испытываешь меня, а я взаимно тебя? Е. Думаю такъ, и признать это меня настоячиво принуждаетъ разумъ.

А. Смотри же, что изъ этого слѣдуетъ. Полагаю, что тебѣ показалось бы величайшею нелѣпостію и глупостію, если бы кто сталъ утверждать, что ты испытываешь какое либо тѣло тамъ, гдѣ нѣтъ самаго тѣла, которое ты испытываешь. Е. Нелѣпость ясна, и я полагаю, что оно такъ, какъ ты говоришь. А. Ну, а не очевидно ли для тебя, что мое тѣло находится въ одномъ мѣстѣ; а твое въ другомъ? Е. Это очевидно. А. Однако же глаза твои чувствуютъ мое тѣло; если же чувствуютъ, то непременно и испытываютъ; но они не могутъ испытывать тамъ, гдѣ нѣтъ того, что они испытываютъ; а между тѣмъ ихъ нѣтъ тамъ, гдѣ мое тѣло; слѣдовательно, они испытываютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Е. Хоть я и согласился со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ казалось мнѣ нелѣпостію не согласиться; однако этотъ послѣдній выводъ нелѣпъ до такой степени, что я согласенъ скорѣе признать, что въ предшествовавшемъ сдѣлалъ какую нибудь неосмотрительную уступку, чѣмъ самый выводъ признать за истинный. Ездъ я и во снѣ не рѣшился бы сказать, что глаза мои чувствуютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. А. Въ такомъ случаѣ припомни, на какомъ мѣстѣ ты вздремнулъ: развѣ ускользнуло бы что нибудь вслѣдствіе твоей неосторожности, если бы ты былъ также внимателенъ, какъ не задолго передъ этимъ? Е. Я дѣйствительно стараюсь припомнить и снова обдумать все, о чемъ мы говорили; но не вижу съ достаточною ясностію, въ уступкѣ чего я долженъ былъ бы раскаяваться, кромѣ развѣ того, что, когда мы видимъ, чувствуютъ наши глаза. Чувствуетъ быть можетъ само зрѣніе. А. Пусть бу-

деть такъ. Зрѣніе дѣйствительно простирается вовнѣ, и чрезъ глаза проникаетъ такъ далеко, что можетъ повсюду осматривать то, что мы видимъ. Отъ этого бываетъ, что оно скорѣе видитъ тамъ, гдѣ находится то самое, что оно видитъ, но не тамъ. откуда оно выходитъ, чтобы видѣть. Въ такомъ случаѣ, когда ты видишь меня, то не ты собственно видишь? Е. Какой безумецъ скажетъ это? Во всякомъ случаѣ вижу я; но вижу простерши зрѣніе посредствомъ глазъ. А. Если же ты видишь, то ты чувствуешь; если ты чувствуешь, то ты испытываешь; ты не можешь испытывать что либо тамъ, гдѣ тебя нѣтъ; тамъ, гдѣ ты меня видишь, тамъ нахожусь я; слѣдовательно ты испытываешь меня тамъ, гдѣ нахожусь я. Но если тамъ, гдѣ нахожусь я, тебя нѣтъ: то я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ ты рѣшаешься утверждать, что видишь меня ты. Е. Я говорю, что вижу тебя, гдѣ ты находишься, простерши зрѣніе въ то мѣсто, въ которомъ ты находишься; но признаю, что меня тамъ нѣтъ. Если бы я напримѣръ дотронулся до тебя палкою, я дотронулся бы несомнѣнно, и чувствовалъ бы это; однакоже я не былъ бы тамъ. гдѣ дотронулся до тебя. Въ такомъ же смыслѣ я говорю, что вижу зрѣніемъ. Хотя меня и нѣтъ тамъ, это однакоже не вынуждаетъ меня признать, будто вижу не я.

А. Итакъ ты не сдѣлалъ никакой необдуманной уступки: потому что можешь отстоять и глаза свои, для которыхъ зрѣніе, какъ ты говоришь, есть какъ бы своего рода палка; и то заключеніе, что глаза твои видятъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, не представляется нелѣпостію. Или это иначе тебѣ кажется? Е. Оно дѣйствительно такъ, какъ ты говоришь; потому что мнѣ пришло въ настоящее время на мысль и слѣдующее: если бы глаза видѣли тамъ, гдѣ они находятся, они видѣли бы и самихъ себя. А. Ты правильнѣе бы сказалъ не »и самихъ себя«, а »только бы самихъ себя видѣли«. Вѣдь тамъ,

гдѣ они находятся, т. е. какое мѣсто они занимаютъ, они занимаютъ мѣсто одни; и тамъ, гдѣ они находятся, нѣтъ ни носа, и ничего другаго, смежнаго съ ними. Иначе и ты, пожалуй, былъ бы тамъ, гдѣ я нахожусь, потому что мы оба находимся другъ подлѣ друга. Если это такъ, и если бы глаза видѣли только тамъ, гдѣ они находятся, они не видѣли бы ничего, кромѣ самихъ себя. Если же они самихъ себя не видятъ, то мы должны согласиться, что они не только видятъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, но даже тамъ только и могутъ видѣть, гдѣ ихъ нѣтъ. Е. Послѣ этого у меня не остается никакого сомнѣнія. А. Слѣдовательно, ты не сомнѣваешься, что глаза испытываютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Ибо гдѣ они видятъ, тамъ чувствуютъ: такъ какъ видѣть значитъ чувствовать; чувствовать же значитъ испытывать; поэтому, гдѣ они чувствуютъ, тамъ испытываютъ. Но видятъ они не въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся; слѣдовательно они испытываютъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ. Е. Изумительно, какъ все это я признаю за истину.

ГЛАВА XXIV.

Взвѣшивается опредѣленіе чувства.

А. Ты пожалуй и правъ. Но скажи на милость, все ли то мы видимъ, что узнаемъ посредствомъ зрѣнія? Е. Думаю, такъ. А. И думаешь также, что все, чтѣ мы узнаемъ видя, мы узнаемъ посредствомъ зрѣнія? Е. И это думаю. А. Въ такомъ случаѣ почему мы, видя одинъ только большой дымъ, узнаемъ, что подъ нимъ скрывается огонь, котораго мы не видимъ? Е. Ты говоришь правду, и я уже не думаю болѣе, что мы видимъ все то, что узнаемъ посредствомъ зрѣнія: потому что мы можемъ, какъ ты доказалъ, видя одно, узнавать другое, до чего зрѣніе не достигаетъ. А. Ну, а можемъ ли мы не видѣть того, что чувствуемъ зрѣніемъ? Е. Никонимъ

образомъ. А. Слѣдовательно иное дѣло чувствовать, и иное—знать. Е. Совершенно иное: потому что дымъ, который мы видимъ, мы чувствуемъ, а что подъ нимъ есть огонь, котораго мы не видимъ, то мы знаемъ. А. Ты прекрасно рассуждаешь. Но замѣчаешь конечно, что когда это случается, то тѣло наше, т. е. глаза не испытываютъ ничего отъ огня, а испытываютъ отъ дыма, который они только одинъ видятъ. Вѣдь мы согласились выше, что видѣть значить чувствовать, а чувствовать значить испытывать. Е. Это такъ и я согласенъ съ этимъ. А. Итакъ, когда вслѣдствіе испытываемаго тѣломъ впечатлѣнія что либо отъ души не укрывается, то это не всегда извѣщается однимъ изъ упомянутыхъ пяти чувствъ, а лишь тогда, когда не укрывается самое испытываемое впечатлѣніе: потому что огня того мы не видимъ, не слышимъ, не обоняемъ, не вкушаемъ, не ощущаемъ, а онъ не укрывается отъ нашей души вслѣдствіе того, что видѣнъ дымъ. То, вслѣдствіе чего онъ не укрывается, не называется чувствомъ, потому что отъ огня тѣло наше ничего не испытываетъ; а называется познаніемъ чрезъ чужезво, потому что оно выведено и добыто изъ испытываемаго тѣломъ впечатлѣнія, хотя и другаго, т. е. изъ усмотрѣнія другой вещи. Е. Понимаю, и вижу прекрасно, что это отвѣчаетъ и благопріятствуетъ тому опредѣленію твоему, которое ты предоставилъ защищать мнѣ, какъ мое собственное. Вѣдь помнится, ты опредѣлилъ чувство такъ, что отъ души не укрывается то, что испытываетъ тѣло. Такимъ образомъ то, что даетъ намъ видѣть дымъ, мы называемъ чувствомъ: потому что, видя его, наши глаза, которые суть части тѣла и тѣла, испытываютъ (*впечатлѣніе отъ него*); но то, что мы узнаемъ огонь, отъ котораго тѣло не испытываетъ ничего, мы не называемъ чувствомъ.

А. Одобряю твою память и послѣдовательность въ сужденіяхъ; но эта ограда, защищающая опредѣленіе, грозитъ

падениемъ. Е. Это какимъ образомъ? А. Думаю, ты не отрицаешь, что тѣло наше испытываетъ нѣчто, когда мы растемъ или старѣмся; очевидно также, что этого мы не чувствуемъ ни однимъ изъ своихъ чувствъ; однакоже это не укрывается и отъ души. Слѣдовательно отъ ней не укрывается нѣчто, что испытываетъ тѣло; и однакоже этого нельзя назвать чувствомъ. Видя бѣльшимъ то, что мы нѣкогда видѣли меньшимъ, и видя стариками тѣхъ, о которыхъ извѣстно, что они были юношами и дѣтьми, мы заключаемъ, что и наши тѣла испытываютъ нѣкоторое того же свойства измѣненіе даже въ настоящее время, когда мы разговариваемъ. И въ этомъ мы, полагаю, не обманываемся. Скорѣе я готовъ признать обманъ въ томъ, что вижу, чѣмъ въ той мысли, что волосы мои въ настоящее время растутъ, или что тѣло мое поминутно измѣняется. Если это измѣненіе есть (*состояніе*) испытываемое тѣломъ,—чего не отрицаетъ никто,—и не чувствуется въ настоящее время нами, а между тѣмъ и не укрывается отъ души, потому что не укрывается отъ насъ: то тѣло, какъ я сказалъ, испытываетъ такое, что отъ души не укрывается, и однакоже то не есть чувство. Поэтому то опредѣленіе, которое не должно бы заключать въ себѣ ничего такого, что не есть чувство, оказывается на дѣлѣ неправильнымъ, потому что заключаетъ въ себѣ такое. Е. Вижу, что мнѣ остается только просить тебя, чтобы ты или далъ другое опредѣленіе, или исправилъ, если можешь, это: потому что не могу отрицать ошибочности его въ силу сказаннаго, что я вполне одобряю. А. Исправить его легко. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы ты на это рѣшился. Повѣрь мнѣ, что ты это и сдѣлаешь, если хорошо понялъ, въ чемъ оно грѣшитъ. Е. Да въ чемъ же другомъ, какъ не въ томъ, что обнимаетъ чужое? А. Но какимъ образомъ? Е. А такимъ образомъ, что тѣло, хоть бы и въ юношѣ, старѣется; поэтому нельзя отрицать, что оно

испытываетъ нѣчто; а если мы это знаемъ, то отъ души не укрывается нѣчто, что испытываетъ тѣло, и однакоже этого нельзя воспріять никакимъ чувствомъ: потому что я въ данное время не вижу, что я старѣюсь, и не чувствую этого ни слухомъ, ни обоняніемъ, ни вкусомъ, ни осязаниемъ. А. Откуда же ты это знаешь? Е. Закключаю объ этомъ разумомъ. А. На какихъ же основаніяхъ опирается твой разумъ? Е. На томъ, что я вижу другихъ стариками, которые также были юношами, какъ я теперь. А. А то, что ты ихъ видишь, развѣ не есть чувство? Е. Кто отрицаетъ это? Но изъ того, что я ихъ вижу, я предполагаю, что старѣюсь и я, хотя этого не вижу. А. Итакъ, какія же слова, по твоему мнѣнію, нужно прибавить къ тому опредѣленію, чтобы исправить его, если чувство есть не иное что, какъ испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души, и однакоже испытываемое такъ, что душа знаетъ о немъ не чрезъ другое какое либо испытываемое ею впечатлѣніе или иное тому подобное? Е. Скажи пожалуйста это нѣсколько пояснѣе.

ГЛАВА XXV.

Какъ нужно повѣрять правильность опредѣленія.

А. Сдѣлаю угодное тебѣ, и съ бѣльшею готовностію когда ты не спѣшишь, чѣмъ если бы спѣшилъ. Но сосредоточь все свое вниманіе: то, что скажу я, будетъ имѣть значеніе для очень многого. Опредѣленіе содержать не болѣе и не менѣе того, что нужно для уясненія предположеннаго; иначе оно во всякомъ случаѣ неправильно. Дѣйствительно ли оно не имѣетъ этихъ недостатковъ, это разясняется перестановкою. Яснѣе ты увидишь это изъ слѣдующихъ примѣровъ. Положимъ, что ты спросилъ бы меня: что такое человѣкъ; а я опредѣлилъ бы его слѣдующимъ образомъ: человѣкъ есть животное смертное. Изъ того, что сказанное

мною истинно, не слѣдуетъ, что ты долженъ признать и опредѣленіе вѣрнымъ. Прибавивъ къ нему частичку, именно—всякій, ты долженъ сдѣлать въ немъ перестановку и посмотреть, останется ли оно истиннымъ и послѣ перестановки, т. е. какъ истинно то, что всякій человѣкъ есть животное смертное, также ли истинно будетъ и то, что всякое животное смертное есть человѣкъ. Увидѣвъ, что послѣднее ложно, ты долженъ отвергнуть опредѣленіе въ силу того недостатка, что оно обнимаетъ чужое: потому что не одинъ человѣкъ есть животное смертное, а и всякое безсловесное животное. Это опредѣленіе человѣка обыкновенно исправляется тѣмъ, что къ смертному прибавляется разумное: потому что человѣкъ есть животное смертное разумное, и какъ всякій человѣкъ есть животное разумное смертное, такъ и всякое разумное смертное животное есть человѣкъ. Слѣдовательно прежнее опредѣленіе неправильно вслѣдствіе ббльшаго содержанія, потому что содержало и животное безсловесное вмѣстѣ съ человѣкомъ; а послѣднее вѣрно, потому что содержитъ всякаго человѣка и не содержитъ ничего блье, кромѣ человѣка. Оно будетъ неправильно вслѣдствіе меньшаго содержанія, если прибавишь грамотное. Ибо хотя всякое животное разумное, смертное, грамотное есть человѣкъ, однако очень многіе люди, которые не грамотны, въ этомъ опредѣленіи не будутъ содержаться. Поэтому опредѣленіе это въ первоначальномъ предложеніи будетъ ложно; но если сдѣлать въ немъ перестановку, оно истинно. Ибо ложно, что всякій человѣкъ есть животное разумное, смертное, грамотное; но истинно, что всякое животное разумное смертное грамотное есть человѣкъ. Но опредѣленіе будетъ гораздо неправильнѣе обоихъ приведенныхъ, если оно говорить ложь и въ первоначальномъ предложеніи, и по перестановкѣ. Таковы два слѣдующія: человѣкъ есть животное блье; или: человѣкъ есть животное четвероногое. Скажешь

ли, что всякій человѣкъ есть животное бѣлое или четвероногое, или скажешь въ обратномъ порядкѣ,—одинаково скажешь ложь. Но разница будетъ въ томъ, что первое опредѣленіе простирается на нѣкоторыхъ людей, потому что много людей есть бѣлыхъ; но послѣднее не простирается ни на кого, потому что четвероногаго человѣка нѣтъ ни одного. Усвой это на всякій случай для провѣрки опредѣленій, чтобы судить о правильности ихъ, излагая ихъ въ видѣ предложенія и дѣлая въ нихъ перестановку. Много по этому предмету преподается и другаго, многословнаго и очень темнаго; я постараюсь познакомить тебя съ этимъ понемногу, когда то окажется кстати.

Теперь обрати свое вниманіе на извѣстное наше опредѣленіе, и разсмотрѣвъ его, какъ человѣкъ уже болѣе свѣдущій, исправь. Мы нашли, что, будучи опредѣленіемъ чувства, оно обнимаетъ собою нѣчто, что не есть чувство, и поэтому, если сдѣлать въ немъ перестановку, не будетъ истинно. Такъ истинно, пожалуй, то, что всякое чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души, какъ истинно то, что всякій человѣкъ есть животное смертное; но какъ ложно то, что всякое животное смертное есть человѣкъ, потому что и животное безсловесное есть тоже самое; такъ ложно и то, что всякое испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души, есть чувство, потому что у насъ въ данное время растутъ ногти, и это отъ души не укрывается, мы это знаемъ, однакоже не чувствуемъ, а узнаемъ посредствомъ заключенія. Чтобы исправить первое опредѣленіе человѣка, мы прибавили къ нему слово —разумное: вслѣдствіе этого прибавленія, изъ него исключены животныя безсловесныя, которыя въ немъ содержались, и опредѣленіе въ такомъ видѣ не обнимало ничего, кромѣ человѣка, а человѣка обнимало всего. Не думаешь ли ты, что такимъ же точно образомъ слѣдуетъ прибавить нѣчто

и къ послѣднему опредѣленію (*чувства*), чтобы этимъ исключить изъ него то, что содержится въ немъ чужаго, и чтобы въ немъ не разумѣлось ничего, кромѣ чувства, а чувство разумѣлось все? Е. Думаю, что такъ; но что можетъ быть прибавлено, того не знаю. А. Чувство есть несомнѣнно всякое испытываемое тѣломъ состояніе, не укрывающееся отъ души; но выраженіе это не допускаетъ перестановки по причинѣ извѣстнаго испытываемаго тѣломъ состоянія, когда оно растеть или умаляется съ нашего вѣдома, т. е. такъ, что это не укрывается отъ души. Е. Это вѣрно. А. Ну, а это испытываемое состояніе само ли по себѣ не укрывается отъ души, или чрезъ что иное? Е. Очевидно, чрезъ иное: потому что иное дѣло видѣть ногти болѣшими, и иное знать, что они растутъ. А. Слѣдовательно, если самый ростъ есть испытываемое состояніе, а эта величина, которую мы чувствуемъ, произошла отъ этого испытываемаго состоянія, но сама не есть это состояніе; то очевидно, что мы знаемъ это состояніе не чрезъ него же само, а чрезъ иное. Мы скорѣе чувствовали бы это состояніе, чѣмъ заключали о немъ, если оно не укрывалось отъ души само по себѣ, а не чрезъ другое. Е. Понимаю. А. Въ такомъ случаѣ чего же ты задумываешься надъ тѣмъ, что слѣдуетъ прибавить къ этому опредѣленію? Е. Теперь я знаю, что слѣдовало бы опредѣлить такъ: чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, само по себѣ отъ души не укрывающееся; ибо и всякое чувство есть такое, и все такое, по моему мнѣнію, есть чувство.

А. Если это такъ, я признаю опредѣленіе вполне правильнымъ. Но попробуемъ, если угодно, не грѣшить ли оно тѣмъ другимъ недостаткомъ, какимъ грѣшитъ опредѣленіе человѣка, къ которому прибавлено слово — грамотное. Вѣдь ты, полагаю, помнишь, что сказано было о человѣкѣ. Онъ есть животное разумное смертное грамотное; и что опредѣленіе это неправильно потому, что оно истинно по перестав-

новѣ, а въ первоначальномъ изложеніи ложно. Ибо то ложно, что всякій человѣкъ есть животное разумное смертное грамотное; хотя то истинно, что всякое животное разумное смертное грамотное есть человѣкъ. Опредѣленіе это неправильно потому, что хотя и не содержитъ ничего, кромѣ человека, однако человекъ содержитъ не всякаго. Можетъ быть таково же и это опредѣленіе чувства, которое мы выставляемъ за вполне вѣрное. Ибо хотя всякое испытываемое тѣломъ состояніе, само по себѣ отъ души не укрывающееся есть чувство, однако не всякое чувство есть именно это. Это ты можешь пояснить себѣ такъ. Животныя безсловесныя чувствуютъ, и всѣ почти обладаютъ упомянутыми пятью чувствами въ той мѣрѣ, въ какой дано имъ то природою; или ты отрицаешь это? Е. Менѣе всего.

ГЛАВА XXVI.

Есть ли въ животныхъ безсловесныхъ знаніе и разумъ.

А. А не согласишься ли ты съ тѣмъ, что знаніе получается лишь тогда, когда какой либо предметъ воспринять и сознанъ твердымъ разумомъ? Е. Соглашаюсь. А. Но животное безсловесное разумомъ не пользуется. Е. Согласенъ и съ этимъ. А. Слѣдовательно знаніе на животное безсловесное не простирается; но какъ скоро что нибудь не укрывается, оно познается; безсловесныя животныя, по этому, не чувствуютъ, если всякое чувство есть испытываемое тѣломъ состояніе, само по себѣ отъ души не укрывающееся. А между тѣмъ они чувствуютъ, какъ мы согласились въ томъ не задолго прежде. Послѣ этого какія же причины могутъ удерживать насъ отвергнуть опредѣленіе, которое оказалось не въ состояніи обнять всякое чувство потому что въ него не входитъ чувство безсловесныхъ животныхъ?

Е. Признаюсь, я ошибся, согласившись съ тобою, что знаніе получается лишь тогда, когда что либо воспринимается твердымъ разумомъ. Когда ты объ этомъ спрашивалъ, я принялъ въ соображеніе однихъ только людей. О живот-

ныхъ же безсловесныхъ я хотя и не могу сказать, чтобы они пользовались разумомъ; но не могу отрицать у нихъ и знанія. Думаю, что собака знала своего господина, если узнала его, какъ разказывается, спустя двадцать лѣтъ ¹⁾; о другихъ безчисленныхъ примѣрахъ умалчиваю. А. Скажи, пожалуйста, когда тебѣ представляются двѣ вещи,—одна, которой нужно достигнуть, и другая, посредствомъ которой ты можешь достигнуть,—какой изъ нихъ ты придаешь большее значеніе, и какую предпочитаешь другой? Е. Безъ всякаго сомнѣнія предпочитаю ту, которой нужно достигнуть. А. Изъ этихъ же нѣкихъ двухъ вещей, знанія и разума, знаніемъ ли мы достигаемъ разума, или разумомъ знанія? Е. Насколько мнѣ представляется, та и другая вещь такъ тѣсно между собою связаны, что посредствомъ той и другой можно достигать каждой. Вѣдь и самого разума мы не достигли бы, еслибы не знали, что нужно его достигнуть. Поэтому знаніе стоитъ впереди, такъ какъ посредствомъ его мы достигаемъ разума. А. Ну, а самое знаніе, которое, по твоимъ словамъ, стоитъ впереди, достигается безъ разума? Е. Я этого не говорилъ никогда; это было бы величайшимъ безразсудствомъ. А. Стало быть достигается разумомъ? Е. Нѣтъ. А. Ну, такъ безразсудствомъ? Е. Кто сказалъ это? А. Такъ чѣмъ же наконецъ? Е. Ничѣмъ, потому что знаніе врождено намъ.

А. Ты кажется забылъ, съ чѣмъ мы согласились выше, когда я спрашивалъ, думаешь ли ты, что знаніе получается тогда, когда какой либо предметъ воспринимается твердымъ разумомъ. Помнится, ты отвѣчалъ, что человѣческое знаніе представляется тебѣ такимъ; теперь же утверждаешь, что человѣкъ можетъ имѣть нѣкоторое знаніе и тогда, когда воспринимаетъ предметъ безъ всякаго разума. Кому не видно, что нѣтъ ничего болѣе противорѣчащаго себѣ, какъ эти два положенія—что знаніе получается только тогда, когда какая

¹⁾ Odyss. XVII, 291 sqq.

либо вещь воспринимается твердымъ разумомъ, и—что есть знаніе нѣкоей вещи, не воспринятой никакимъ разумомъ. По этому я желалъ бы знать, какое изъ этихъ двухъ положеній выбираешь ты; потому что и то и другое вмѣстѣ никоимъ образомъ не могутъ быть истинными. Е. Избираю то, которое только что высказалъ; потому что съ предшествующимъ я согласился, признаюсь, необдуманно. Вѣдь когда мы другъ съ другомъ ищемъ разумомъ истиннаго, и это дѣлается посредствомъ вопросовъ и отвѣтовъ, какимъ образомъ разумъ могъ бы дойти до послѣдняго вывода, если бы предварительно не принялъ что нибудь за вѣрное? А какимъ образомъ онъ могъ бы принять что нибудь за вѣрное, еслибы это что нибудь не было нами узнано? Слѣдовательно; еслибы этотъ разумъ не нашелъ во мнѣ чего либо познаннаго, опираясь на чемъ онъ велъ бы меня къ непознанному, я рѣшительно ничего не узналъ бы чрезъ него, да и его самого не назвалъ бы разумомъ. Въ виду этого ты напрасно не соглашаешься со мною, что въ насъ непремѣнно существуетъ нѣкоторое знаніе прежде разума, отъ котораго самъ разумъ беретъ свое начало. А. Я сдѣлаю угодное тебѣ, и какъ предположилъ, дозволю тебѣ исправлять свои ошибки во всѣхъ случаяхъ, когда ты будешь недоволенъ на себя за высказанное съ чѣмъ либо согласіе. Но пожалуйста, не злоупотребляй этимъ дозволеніемъ и не относись небрежно къ моимъ вопросамъ. Иначе, слишкомъ часто даваемое тобою неправильно согласіе на что нибудь, заставитъ тебя сомнѣваться и въ томъ, съ чѣмъ ты согласился правильно. Е. Продолжай лучше начатое. Хотя я и усилю, насколько могу, все вниманіе: потому что и мнѣ стыдно столько разъ отступаться отъ своего мнѣнія; однако я никогда не побоюсь воспротивиться этому стыду и исправить свою ошибку, особенно при твоёмъ содѣйствіи. Упрямство не должно быть терпимо изъ-за того, что желательно постоянство.